

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Арчибалд
Кронин

СЫН
МЕНЕСТРЕЛЯ
ГРЕЙСИ
ЛИНДСЕЙ

«ИНОСТРАНКА»

Арчибальд Джозеф Кронин
Сын менестреля.
Грейси Линдсей
Серия «Иностранная
литература. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68687364

Сын менестреля. Грейси Линдсей:

ISBN 978-5-389-21914-4

Аннотация

Десмонд Фицджеральд умен, невероятно привлекателен, к тому же обладает божественным голосом. Его ждет блестящее будущее. Окончив семинарию, он становится священником, побеждает в Риме на музыкальном конкурсе и отправляется по назначению в приход в Ирландию, где быстро находит общий язык с главой местной церкви и прихожанами. Но вдруг налаженная жизнь рушится с головокружительной быстротой. И как всегда, виновата женщина... Это роман о потерянных возможностях и мечтах, о праве на ошибку и о том, что всегда есть шанс начать все сначала.

Семь лет назад Грейси Линдсей, попав в беду, покинула город, чтобы родить ребенка, потом вышла замуж и уехала в Индию. И вот теперь после смерти мужа Грейси возвращается в родной

город, чтобы начать все сначала. Но общество маленького городка не оставляет ее в покое, и прошлое молодой женщины начинает преследовать ее...

Роман «Грейси Линдсей» публикуется на русском впервые!

Содержание

Сын менестреля	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	49
Часть вторая	62
Глава 1	62
Глава 2	79
Глава 3	93
Глава 4	104
Глава 5	111
Глава 6	121
Часть третья	141
Глава 1	141
Глава 2	157
Глава 3	162
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Арчибальд Кронин

Сын менестреля.

Грейси Линдсей

© О. Э. Александрова, перевод, 2014

© В. Ф. Мисюченко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Сын менестреля

Часть первая

Глава 1

В один ветреный мартовский день в середине 1920-х годов я сидел в приемной префекта по учебной работе иезуитской школы Святого Игнатия, чему был несказанно рад после семи нелегких лет, проведенных в образовательных заведениях, которые находились в ведении муниципалитета Уинтона. Сразу же после моего появления на свет мой отец, питая самые радужные надежды относительно своего будущего, а также в приливе отцовских чувств записал меня в Стонихерст¹. Когда же шесть лет спустя он скончался после тяжелой и продолжительной болезни, его достойные похвалы амбиции так и не были удовлетворены: оставленных им денег едва хватило, чтобы рассчитаться с докторами и оплатить похороны.

И все же школа Святого Игнатия была неплохой заменой заведению в Ланкашире, выбранному для меня моим роди-

¹ *Стонихерст* – католический колледж, расположенный в графстве Ланкашир. – *Здесь и далее примеч. перев.*

телем. Школа с примыкающей к ней церковью располагалась на холме недалеко от центра города и предназначена была для взращивания отпрысков католической буржуазии, а кроме того, благодаря умеренным ценам – и сыновей рабочих; преподавали в школе священники-иезуиты, воспитанные, как правило, по строгим церковным канонам и отличающиеся свойственной этому ордену надменностью, что пугало меня до крайности, а потому, когда за моей спиной открылась дверь, я как ошпаренный вскочил на ноги.

Но в комнату непринужденно вошел незнакомый мальчик, явно чувствующий себя здесь как дома. Я снова сел на место, а он с легкой полуулыбкой расположился рядом. Одет он был несравненно лучше меня: в прекрасно скроенный темный фланелевый костюм, тонкие носки и блестящие туфли, белоснежную рубашку с галстуком в черно-зеленую полоску – явно цветами его частной школы. Из нагрудного кармана пиджака высовывался льняной носовой платок, а в петлице вызывающе красовался маленький василек. Более того, мальчик – с его благородной бледностью, мягкими белокурыми волосами и голубыми глазами – был настолько хорош собой, что я еще больше застеснялся не только своих огненно-рыжих волос, веснушек и длинного носа, но и убогой одежды: старых фланелевых штанов, синей шерстяной кофты, связанной матерью, трещиной на облезлом носке правого ботинка, которая возникла в результате неудачного удара по вылетевшему со школьного двора мячу. В результате я

сразу же возненавидел мальчишку и решил при первой же возможности как следует ему накостылять.

Неожиданно, к моему величайшему удивлению, мальчик нарушил торжественную тишину уставленной фолиантами комнаты.

– Надо же, как скучно. Похоже, пунктуальность не входит в число достоинств иезуитов, – сказал он и вдруг запел: – «В церкви тихой и пустой оказались мы с тобой!» – а потом продолжил уже нормальным тоном: – Спорим, Бошан сейчас завтракает в буфетной. Полагаю, он жуткий обжора. Хотя ужасно образованный. Выпускник Итона. Новообращенный, естественно. – Мальчик снова затянул свою песню, теперь уже громче: – «В церкви тихой и пустой оказались мы с тобой...»

В этот момент дверь распахнулась, и моим глазам предстала массивная величественная фигура в сутане, впрочем не способной скрыть явно выраженную дородность ее обладателя. В правой руке человек нес тарелку с большим двойным сэндвичем с сыром. Вошедший водрузил тарелку на письменный стол, предварительно аккуратно застелив его салфеткой, которую достал из верхнего ящика. Затем он тяжело уселся за стол и произнес то ли в виде извинения, то ли просто в воздух буквально следующее:

– *Edere oportet ut vivas.*

– *Non vivere ut edas*², – вполголоса отозвался сидевший

² «Нужно есть, чтобы жить». – «Но не жить, чтобы есть» (*лат.*).

возле меня маленький сноб.

– Хорошо, – кивнул прелат, который, вне всякого сомнения, был не кем иным, как отцом Бошаном. – Хотя ты и цитируешь Цицерона, о чем тебя, впрочем, не просили... – Здесь святой отец остановился, перевел взгляд с мальчика на меня и только потом продолжил: – Когда я подходил к храму науки, то услышал весьма нестройный напев...

– Есть у меня дурацкая привычка, – честно признался мой сосед. – Когда я нервничаю или жду кого-то, кто опаздывает, то непроизвольно начинаю петь...

– Да уж! – мрачно заметил Бошан. – Тогда встань и пой. Но только очень тебя прошу, ничего вульгарного.

Я с трудом подавил злорадный смешок. Сейчас этот маленький задавака выставит себя круглым дураком. Он медленно поднялся. Пауза явно затянулась. Затем, устремив взгляд куда-то вдаль, мимо отца Бошана, мальчик запел.

Он исполнял *Panis Angelicus* – один из наиболее сложных церковных гимнов на латыни. И когда сладостные и трогательные слова гимна, наполнив комнату, начали постепенно подниматься к небесам, глупая ухмылка исчезла с моего лица. Еще никогда прежде я не слышал столь чудесного и искреннего исполнения и такого голоса – чистого и чарующего. Я был совершенно покорен и полностью отдался во власть музыки. Когда стихли последние звуки, в комнате воцарилась гробовая тишина.

Я был ошеломлен и долго не мог прийти в себя от потря-

сения. И хотя в те времена мои музыкальные познания были крайне ограничены, я не мог не понять, что этот разодетый вундеркинд действительно обладает редким – прекрасным и пленительным – голосом. Бошан тоже был явно впечатлен.

– А-а-а... Хм... – только и смог выдавить он. – А-а-а... Хм... Нам непременно следует поговорить о тебе с нашим хормейстером, добрейшим отцом Робертсом. – И после непродолжительной паузы он добавил: – Ты, должно быть, юный Фицджеральд.

– Да, я Десмонд Фицджеральд.

– Ну что ж, очень хорошо, – неожиданно мягко произнес отец Бошан. – Я много лет переписывался с твоим отцом. На редкость эрудированный человек. Выдающийся ученый. Именно его стараниями я получил «Апокалипсис» из библиотеки Тринити-колледжа, очень ценное и редкое издание, выпущенное Роксбургским клубом³. – Помолчав, он продолжил: – Но из его письма, полученного мной за несколько месяцев до его смерти, я понял, что ты собираешься в Даунсайд⁴.

– Материнские чувства не позволили моей матушке отпустить меня далеко от дома, сэр. А потому она решила возложить на вас бремя ответственности за меня. Полагаю, к ве-

³ *Роксбургский клуб* – общество библиофилов в Лондоне (основано в 1812 году), члены которого брали на себя обязательство перепечатывать книги за свой счет.

⁴ *Даунсайд* – одна из старейших католических британских школ-пансионов, возглавляемых монахами-бenedиктинцами.

личайшему облегчению бенедиктинцев.

– Значит, теперь ты живешь в Уинтоне?

– Моя мать – шотландка. Овдовев, она решила вернуться на родную землю. Она сняла дом в Овертон-Кресцент.

– Прелестно. Чудесный вид на парк. Надо будет обязательно ее навестить... Возможно, она угостит меня чаем. – Лицо Бошана приняло мечтательное выражение, и он облизал губы. – Как настоящая жительница Шотландии, она, должно быть, умеет печь эти восхитительные глазированные французские пирожные, которыми так славится наш город. Безусловно, пережиток Старого союза⁵.

– Сэр, я обязательно позабочусь о том, чтобы к вашему визиту в доме был приличный запас, – серьезным тоном ответил Десмонд.

– Очень хорошо. Очень хорошо. А-а-а... Хм... – Тут Бошан повернулся ко мне и стал внимательно меня изучать, сосредоточенно нахмутив кустистые брови. – А теперь ты?

Уязвленный до глубины души столь пылким обменом любезностями, невольным свидетелем которого стал, я почувствовал себя здесь еще более чужим, а потому невнятно пробормотал сквозь зубы:

– А я просто Шеннон.

Похоже, ему понравились мои слова. На его лице появи-

⁵ *Старый союз* – военно-политический и культурный альянс средневековых Шотландии и Франции, направленный на сдерживание внешнеполитических амбиций Англии.

лась благостная улыбка.

– Ах да! Ты приехал к нам по стипендии Кельвина. – Бошан наклонился и заглянул в лежащую на столе папку. – Несмотря на свой рост, ты похож на «скромный, маленький цветок»⁶, но, может быть, я сумею повысить твою самооценку, если сообщу, что твоя экзаменационная работа признана исключительной. Именно такую характеристику дал отец Йегер, который ее проверял. Ну что, доволен?

– Моя мама будет довольна, когда я сообщу ей об этом.

– Хорошо сказано! Теперь ты больше не просто Шеннон, а великолепный Шеннон. – Бошан внимательно оглядел меня с головы до ног, явно не обойдя вниманием и злополучную трещину на ботинке. – А сейчас, если тебе удобно, можешь зайти к казначею и договориться о перечислении первого взноса из суммы твоей стипендии. Канцелярия открыта с двух до пяти.

К этому времени аромат свежесвепеченного хлеба уже успел проникнуть за пределы салфетки, на которой лежали сэндвичи, и распространился по комнате. От аппетитных запахов у меня даже слюнки потекли, и я понял, что добрейшему префекту не терпится наконец разделаться со своим бутербродом. Бошан торопливо проинформировал нас, что мы зачислены в старший четвертый класс⁷, объяснил, где на-

⁶ Строка из стихотворения Р. Бернса «Горной маргаритке, которую я примял своим плугом» (перевод С. Я. Маршака).

⁷ Старший четвертый класс соответствует десятому классу российской школы.

ходится классная комната, и с облегчением отпустил.

Однако, когда мы проходили мимо письменного стола, префект протянул свою здоровенную лапищу и, ни слова не говоря, вынул цветок из петлицы пиджака Фицджеральда.

– С твоего позволения, во время занятий – никаких флористических украшений.

Десмонд вспыхнул, но возражать не стал, а лишь молча кивнул. Уже в коридоре мой новый товарищ сказал с улыбкой:

– В этом весь Бошан. Золотая голова! Ненасытное брюхо! Спорим, он пустит мой василек на салат! А я еще и пел ему, как последний идиот. Теперь меня непременно засунут в очередную хор. Хотя я и так целых три года играл роль чертовой примадонны в подготовительной школе!

– Быть может, у тебя скоро начнет ломаться голос? – попытался утешить я нового знакомого.

– Уже сломался. Причем очень рано. Теперь я обречен быть Доном Оттавио, Каварадосси, проклятым Пинкертоном!⁸ – Тут Десмонд взял меня за руку и тихо добавил: – Надеюсь, я тебе понравлюсь, так как нам все равно придется быть вместе. Думаю, ты мне тоже понравишься. Твое «просто» прозвучало весьма мило. Ты играешь в шахматы?

– Я играю в футбол, – ответил я. – А ты?

– Ни разу в жизни не гонял мяч. Но обязательно приду

⁸ Соответственно герои опер «Дон Жуан» В. А. Моцарта, «Тоска» и «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини.

поболеть за тебя. А сейчас почему бы нам, прежде чем приступить к трудам праведным, не пропустить по стаканчику имбирного лимонада? Я видел неподалеку неплохую кондитерскую.

– Я на мели, – холодно произнес я.

– Ты что?! Это же я тебя пригласил. Пошли!

И он повел меня через улицу к заведению, которое оказалось кондитерской при школе. Внутри было удивительно уютно. Мы сели за столик.

– Два имбирных «швепса», пожалуйста. И похолоднее. С кусочком лимона, если, конечно, у вас имеется такая вещь, как лимон.

Женщина, стоящая за прилавком, как-то странно посмотрела на Десмонда, но уже через несколько секунд перед нами стояли два стакана с пенным напитком, в каждом из которых плавало по кружочку лимона.

– Благодарю вас, мэ. Могу я с вами рассчитаться?

Боже, как давно я не пил имбирного лимонада! Я сделал большой глоток приятно охлаждающей жидкости.

– Правда, хорошо? – улыбнулся Десмонд. – Лимон здорово улучшает вкус. А теперь расскажи о себе. Оставим в стороне забивание голов. Чем ты вообще хочешь заняться?

Я рассказал ему, что мечтаю получить университетскую стипендию и, если повезет, заняться медициной, а потом в свою очередь задал ему тот же вопрос.

– Я хочу стать священником, – ответил моментально по-

серьезневший Десмонд. – И мама будет довольна. Она у меня очень славная и очень набожная. Так что к тому времени, как ты обоснуешься на Харли-стрит, я уже буду кардиналом в Риме. Думаю, мне пойдет красная шапочка.

И мы оба покатались от хохота. Устоять против обаяния Десмонда было невозможно. А ведь еще каких-то полчаса назад у меня руки чесались задать ему хорошую трепку! Но теперь он меня покорил. И стал мне даже нравиться.

– Ну что, еще по кружечке? – осушив стакан, спросил Десмонд.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам, но взял себя в руки и твердо сказал:

– Извини, Фицджеральд. Но я не могу ответить тебе тем же. А поскольку быть прихлебателем вовсе не входит в мои планы, я должен сообщить, что мы – я и моя мама – находимся сейчас в крайне стесненных обстоятельствах.

Десмонд что-то сочувственно пробормотал. Я видел, что ему ужасно хочется задать мне вопрос, но дальнейшее просвещение нового друга вовсе не входило в мои планы. А он, естественно, был слишком хорошо воспитан, чтобы давить на меня.

– Все самые почитаемые святые были бедны и предпочитали нищету богатству.

– Воля их, – парировал я.

– В любом случае, – улыбнулся Десмонд, – Господь свидетель... я не хочу, чтобы это помешало нашей дружбе. –

А пять минут спустя, когда мы вышли из кондитерской, он взял меня за руку и сказал: – Возможно, еще не время, но не будешь ли ты возражать, если мы будем обращаться друг к другу по имени? Я терпеть не могу, когда меня называют Фицджеральд. Все Фицы, как известно, являются потомками незаконнорожденных отпрысков Карла Второго. Он швырнул им приставку «Фиц» вместе с *baton sinister*⁹. Даже думать об этом противно. Нет, я предпочитаю, чтобы ты звал меня Десмонд, но никогда, заруби себе на носу, никогда не называй меня Дес. А как мне тебя называть?

– Ну... у меня совершенно ужасное имя. Меня назвали Александром в качестве искупительной жертвы, причем абсолютно напрасной, принесенной моему дедушке. А второе имя я получил в честь святого Иосифа. Но друзья обычно зовут меня просто Алек.

Мы вошли в классную комнату. Увидев, что наши парты рядом, Десмонд бросил на меня довольный взгляд.

Глава 2

Отец Десмонда был книготорговцем. Но ни один современный роман не мог попасть в пределы обшитой ромбовидными панелями маленькой пыльной лавки, приткнувшейся в уголке дублинской гавани и широко известной в Англии

⁹ *Букв.* левая перевязь. В геральдике это полоса на гербе от верхнего правого угла до нижнего левого угла, свидетельствующая о незаконном рождении.

и за ее пределами как хранилище редких фолиантов, специальных изданий произведений изобразительного искусства, исторических буклетов, трудов ученых мужей и тому подобных вещей, за которыми охотятся просвещенные коллекционеры, желающие приобрести что-нибудь особенное, но по цене гораздо ниже той, что бесстыдно запрашивают в Лондоне или в Нью-Йорке.

Хотя Фицджеральд и не нажил особого богатства – о чем охотно сообщал своим клиентам при заключении сделки, – он вполне прочно стоял на ногах и, будучи на двенадцать лет старше жены, весьма предусмотрительно сохранил и удвоил ее состояние путем денежных вложений на ее имя, что после его кончины – события, не заставившего себя долго ждать, – обеспечило ей приличный годовой доход.

Его жена Элизабет была родом из Шотландии, а именно из Ланаркшира, и потому на берегах полноводной Лиффи чувствовала себя не вполне уютно. И вот, выждав положенное приличиями время, что позволило ей продать дом и получить вполне разумную сумму за материальные и нематериальные активы фирмы, она переехала в Уинтон, где с оборотистостью репатриантки очень быстро нашла прелестный дом на холме, о котором упомянул Десмонд в разговоре с отцом Бошаном, когда тот напросился на чай. При такой матери, которая души не чаяла в единственном сыне, Десмонд получал все, что только мог пожелать: красивую одежду, карманные деньги без ограничения, новый велосипед, чтобы ез-

дить в школу...

Я же находился в совершенно другом положении. Моя мать была дочерью преуспевающего фермера из графства Айршир, но семья отеклась от нее, когда она убежала из дому с моим отцом-ирландцем, совершив при этом еще более тяжкий грех, а именно, перейдя в лоно Римско-католической церкви. После смерти моего отца упорная приверженность матери новой вере не оставила ей ни малейших шансов на примирение с семьей. Но мою отважную маленькую маму было не так-то легко сломить. Пройдя короткий курс обучения, она получила должность патронажного работника при муниципалитете Уинтона. Служебный долг привел ее в печально известный район под названием Андерсон – мрачные трущобы, где беднота плодила себе подобных: золотушных и рахитичных детей. Такая замечательная, но достаточно обременительная работа вполне подходила маме, женщине энергичной и жизнерадостной. Заработная плата, отнюдь не соразмерная затрачиваемым усилиям и полученным результатам, составляла два фунта в неделю. За вычетом двух шиллингов и шести пенсов в пенсионный фонд и еще семи шиллингов и шести пенсов в качестве еженедельной платы за нашу так называемую двухкомнатную квартиру, на все про все, то есть на еду, одежду и наше с мамой содержание, оставалось лишь тридцать шиллингов, и это до следующего дважды благословенного дня маминой зарплаты. Но не думайте, что мы влачили унылое и голодное существование в

скудно обставленных «кухне и комнате» на четвертом этаже, куда я рысью поднимался по бесконечной лестнице, твердо зная, что наконец-то возвращаюсь домой, где проголодавшегося мальчишке всегда найдется что поесть. Овсянка на завтрак, а если придется, то и на ужин, иногда, как вариант, бесподобное шотландское кушанье – гороховая каша на пахте, густой перловый суп с овощами на мозговой косточке, домашние ячменные или пресные сконы, а по выходным – говяжьи голяшки, которые после воскресенья превращались в мясное рагу или картофельную запеканку с мясом. А еще я никогда не забуду мешка картошки, который каждый август тайком присылал нам старый работник с фермы маминых родителей. И хотя я прекрасно знал, что это ворованный товар, для меня не было ничего вкуснее больших рассыпчатых картофелин «кинг Эдуард», которые мама запекала в духовке и подавала на стол с кусочком масла. Я съедал все, даже кожуру.

И тем не менее мой образ жизни настолько разительно контрастировал с приятной легкостью бытия Десмонда, что было нечто странное в нашей крепнувшей день ото дня дружбе. Мы встречались радостно, как старые друзья после долгой разлуки, и вместе с тем в наших отношениях не было ни малейшего намека на чувство превосходства с его стороны или зависти – с моей, хотя он приезжал в школу на новеньком велосипеде фирмы «Роли», а я тащился две мили пешком, поскольку у меня не было даже полпенса на трам-

вай.

В большинстве образовательных учреждений под руководством иезуитов близкая дружба между мальчиками не только не приветствуется, но и порицается. Но так как в дальнейшем нам с Десмондом предстояло разойтись по разным классам, на нашу взаимную привязанность смотрели сквозь пальцы, без тени сомнения или подозрения. Я никак не годился на роль партнера по любовным утехам, поскольку практически сразу же был принят в футбольную команду, где меня заметили и оценили по достоинству благодаря резкой манере игры в качестве центрального полузащитника, в то время как Десмонд, несмотря на обаяние и кажущуюся беззаботность, проявил себя как достойный кандидат в священники, твердо решивший следовать избранной стезе. Он ни разу не пропустил мессы или Святого причастия и каждое утро, еще до начала занятий, уже был в церкви. Он уговаривал меня присоединиться к священному братству, о котором у меня были самые смутные представления. А поскольку учащиеся принимали участие в церковной службе на Пасху и во время Страстной недели, я, стоя на коленях подле Десмонда, не раз видел, как из его глаз, устремленных на крест над алтарем, катятся слезы.

Десмонд ходил в любимчиках у святых отцов, особенно у отца Робертса, который считал его талант даром Небес. Но Десмонд настолько выделялся из общей массы, что не пользовался особой популярностью у соучеников, одни считали

его снобом, а другие – просто странным. Здесь следует признать, что если бы не я, то ему пришлось бы вынести еще больше унижений от самых задиристых членов нашего маленького сообщества.

Однако при всей своей чувствительности Десмонд отнюдь не был трусом. Как-то раз, когда его загнала в угол группа хулиганов, которые, глумясь и осыпая Десмонда оскорблениями, предложили ему защищаться, он как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и, приветливо улыбаясь, повернулся к ним лицом со словами:

– Я не могу с вами драться, но, если вам так уж не терпится расквасить мне нос, не стесняйтесь!

От неожиданности хулиганы на секунду даже остолбенели и так и остались стоять с отвисшей челюстью, потом послышалось невнятное бормотание на жутком уинтонском диалекте:

– А он, того, не сдрейфил... Не трожь его, Вилли... Отстань от него, – затем раздался дикий гогот, причем не издевательский, а одобрительный, даже лестный для Десмонда, который невозмутимо кивнул и, не вынимая рук из карманов, спокойно пошел своей дорогой.

Но я не сомневаюсь, что, когда он усаживался на низкую каменную ограду спиной к спортплощадке, его сердце колотилось как сумасшедшее. Это было его любимое место отдыха. Он никогда не участвовал в наших грубых и буйных забавах, поскольку так и не научился управляться с мячом

или бить по нему. Нет, сидя на своей жердочке, он с некоторой долей высокомерия читал требник или своего любимого Тита Ливия. Однако основной заботой Десмонда было следить за внутренней жизнью узкой улочки, бросать время от времени монетку тому нищему, который официально был признан таковым и особенно его донимал, а во время сильных ветров, бывших не таким уж редким явлением здесь, на крутом холме, бдительно следить за девочками в соломенных шляпках и синей форменной одежде, направлявшимися в соседнюю школу при женском монастыре или, наоборот, выходявшими оттуда.

Этих благовоспитанных девочек из хороших семей учащиеся школы Святого Игнатия считали незванными гостями и старались полностью игнорировать, а потому, проходя мимо, отводили взгляд или опускали глаза долу. Десмонд же не устанавливал себе подобных запретов: он изучал девочек отстраненно и беспристрастно, словно они были туземцами, существами другой расы, и его замечания, подчас иронические, но очень смешные, были абсолютно лишены налета нечистых помыслов.

«Надо же, какая коротышка! Смотри, как ковыляет! А вот пай-девочка, мамина любимица! Обрати внимание, какие локоны! А ленточки, ленточки, Господи помилуй! О-ля-ля! Гляди, какая дылда белобрысая! Просто красotka, разве что ноги слегка великоваты!»

Конечно, все это был невинный мальчишеский треп, но

в очень ветреные дни, когда внезапно налетевшие порывы срывали соломенные шляпки и, как парус, раздували непослушные юбки, выставляя на всеобщее обозрение девственно чистые голубые саржевые панталоны, мне начинало казаться, что мой друг слегка заигрался и его поведение свидетельствует о неосознанном влечении к противоположному полу. Так или иначе, но по сдавленным смешкам девочек и их взглядам исподтишка было понятно, что они тоже не обошли вниманием юного аполлона, который с самым невозмутимым видом сидел на ограде и время от времени доставал из кармана запрещенный василек, чтобы вставить в петлицу.

И только один человек в школе, похоже, откровенно не любил Десмонда: отец Йегер, бывший наставником в пятом классе, а кроме того, тренером школьной футбольной команды, им же и организованной. Это был коренастый, пышущий здоровьем, очень активный человек, которому я вскоре стал предан душой и телом и который, в свою очередь, проявлял ко мне определенный интерес. И вот как-то раз, когда я вошел к нему в кабинет, он неожиданно заметил:

– Похоже, вы с Фицджеральдом очень близки?

– Да, мы хорошие друзья.

– Не люблю тюфяков! Ты заметил, как он, сидя на ограде, пялится на девочек из школы при женском монастыре?

Я старательно обдумал свой ответ, потому что надо было быть полным идиотом, чтобы перечить отцу Йегеру.

– Это просто игра такая, – осторожно ответил я. – Он

ужасно хороший. И каждый день причащается...

– Что делает ситуацию еще более опасной. Яблочко-то с гнильцой. Чует мое сердце, твоего красивого и набожного друга ждут большие неприятности, – сказал отец Йегер.

Положив конец дискуссии, он долго полировал свою вересковую трубку – единственную слабость, которую себе позволял, – рукавом старой сутаны, а потом зажал ее в зубах, но зажигать не стал ввиду Великого поста и пустился в пространные рассуждения на свою любимую тему о том, что в здоровом теле здоровый дух.

Он страстно верил в силу физического оздоровления, а потому неизменно принимал на заре ледяные ванны, после чего делал гимнастику по системе Юджина Сэндоу¹⁰ и так заразил меня своим энтузиазмом, что я перенял его привычку ежедневных физических упражнений. Ходили слухи, что в молодости отец Йегер играл за футбольный клуб «Престон Норт-Энд». Несомненно, он был помешан на футболе, не жалея сил работал с командой, присутствовал на всех матчах и лелеял безумную идею, что в один прекрасный день школа Святого Игнатия завоюет вождеденный приз – Щит шотландских школ.

Глава 3

И все же даже непреклонный отец Йегер, похоже, сме-

¹⁰ Юджин Сэндоу – пионер в области современного бодибилдинга.

нил гнев на милость, поскольку Десмонд искупил свои грехи, когда, изменив себе, стал заядлым болельщиком школьной футбольной команды. Каждое субботнее утро Десмонд встречал меня на углу Рэднор-стрит; там мы садились на трамвай, чтобы доехать до окраины города, где было устроено футбольное поле. Во время игры Десмонд обычно стоял за линией ворот наших соперников и, когда сия цитадель оказывалась пробитой, в частности благодаря удару моей безжалостной ноги, пускался в пляс, исполняя некий более эмоциональный вариант ирландской джиги.

Отец Йегер обычно приглашал меня в свой маленький кабинет на втором этаже, чтобы обсудить тактику игры, до и после каждого матча. Еще задолго до того, как это стало обычной практикой в профессиональной лиге, он настаивал на том, что центральный полузащитник, то есть я, должен выступать в роли защитника и одновременно стараться играть нападающего на половине соперника, чтобы забить мяч в его ворота. И именно благодаря советам отца Йегера мне удалось не только радовать своими голами Десмонда, но и приводить команду к победе в заведомо проигрышной ситуации.

После матча независимо от того, победили мы или проиграли, Десмонд приглашал меня на ланч к себе домой, где я нередко сталкивался со своей мамой. Десмонд со свойственным ему тактом постарался свести наших вдовых матерей вместе, что, впрочем, было не так уж и трудно сделать, по-

скольку обе ходили к воскресной торжественной мессе в церковь при школе Святого Игнатия и явно симпатизировали друг другу. А кроме того, у меня имелись все основания полагать, причем без излишней самонадеянности, что миссис Фицджеральд одобряла дружбу своего сына со мной.

Что это были за чудесные встречи! Бесподобная еда, изысканно сервированный стол в чудесной, прекрасно обставленной комнате, из окон которой открывался вид на парк. И какое наслаждение для моей дорогой мамочки, которая знавала лучшую жизнь и которой так не хватало всех этих красивых вещей! После кофе женщины усаживались у окна, чтобы поболтать или заняться шитьем, поскольку уж чем-чем, а шитьем миссис Фицджеральд, трудившаяся на благо церкви, всегда могла обеспечить их обеих, в то время как мы с Десмондом отправлялись через парк в традиционное паломничество в муниципальную картинную галерею – красивое современное здание из красного песчаника неподалеку от Уинтонского университета. Мы знали галерею как свои пять пальцев, а потому сегодня мне была сделана уступка, и мы сразу же направились в зал французских импрессионистов, сели на скамью и погрузились в созерцание двадцати роскошных образчиков живописи этого периода. Больше всего мне нравился Гоген: две туземки, сидящие на берегу на фоне буйных тропических зарослей.

– Написано во время его первой поездки на Таити, – прошептал Десмонд.

Но я уже перевел взгляд на восхитительную картину Сислея – набережная Сены в Пасси, – затем на не менее восхитительное полотно Вюйара – светло-желтое и багровое, – потом на Утрилло – обычная улица на парижской окраине, абсолютно пустая, но полная, да, полная Утрилло.

– Его лучший период, – прошептал мой наставник. – Ранний, когда он добавлял в краски гипс.

Однако я не слушал его: я жадно впитывал в себя дух этих полотен, которые так хорошо знал и которые как магнитом притягивали меня к себе.

Тогда Десмонд встал, решив, что на сегодня с меня довольно импрессионистов, и направился в коридор. Я последовал за ним в последний зал, где были представлены картины итальянских мастеров Раннего и Высокого Возрождения. Однако флорентийские и сиенские религиозные композиции не слишком меня интересовали. Я уселся на скамью в центре зала, а Десмонд стал медленно обходить овальный зал, останавливаясь у любимых полотен, пристально вглядываясь в них, тяжело дыша от восторга и время от времени обращая глаза к небесам.

– Десмонд, ты слишком драматизируешь, – заметил я.

– Нет, Алек. Эти изумительные сокровища прошлого, с их духовным воздействием и такой простой, но возвышенной идеей, порождают во мне божественное ощущение бытия. Посмотри на эту картину кисти Пьеро делла Франческа и на эту божественную Мадонну, которая, несомненно, явля-

ется центральным изображением алтарного триптиха. Флорентийская школа, примерно тысяча пятисотый год. А эта Пьета... А вот моя любимая картина. «Благовещение» кисти Бартоломео делла Porta.

– А почему делла Porta?

– Он жил неподалеку от Porta-Романа. В тысяча четыреста семьдесят пятом. Дружил с Рафаэлем. Мне она так нравится, что я даже раздобыл небольшую репродукцию.

Я с похвальным терпением внимал его восторгам, пока не услышал, как в концертном зале этажом ниже оркестр не начал настраивать инструменты. Тогда я решительно поднялся и сказал:

– Маэстро, музыку!

Десмонд улыбнулся, кивнул и, взяв меня за руку, спустился по широкой каменной лестнице в роскошный театр, который городские власти Уинтона от щедрот своих предоставили в пользование местным жителям и в котором днем, по субботам, можно было бесплатно послушать хорошую музыку в исполнении шотландского оркестра. Когда мы входили в зал, Десмонд взял отпечатанную на машинке программку.

– Черт побери! – воскликнул он, когда мы уселись в конце полупустого зала. – Ни Вивальди. Ни Скарлатти. Ни Керубини.

– Зато будет прославленный Чайковский и несравненный Римский-Корсаков.

– Твои проклятые русские!

– Они порождают во мне божественное ощущение бытия!

Десмонд рассмеялся, но потом сразу притих. Появился дирижер, которого приветствовали сдержанными аплодисментами, он взмахнул палочкой – и зал заполнили первые звуки музыки из балета «Лебединое озеро».

Для провинциального города наш оркестр был очень неплох и даже начал приобретать определенную известность в Европе и в Соединенных Штатах. Оркестр великолепно исполнил Чайковского, а после перерыва – на том же высоком уровне музыку к балету «Шахерезада».

После того как стихли последние аккорды, мы какое-то время приходили в себя, не в силах произнести ни слова. Молчание нарушил Десмонд, уныло заметивший:

– Боюсь, на этой неделе в Королевском театре ничего интересного для нас не предвидится.

– А что там будет идти?

– Одна из этих идиотских музыкальных комедий. «Дева гор». Кажется, так. Каких гор? Эвереста? Канченджанги? Волшебных холмов? Машины друзья из Дублина сообщили ей, что в Уинтон приезжает Карл Роза.

– Прекрасно!

Это было еще одной нашей страстью, секретом, который мы тщательно оберегали от школьных товарищей, чтобы они не подняли нас на смех. Мы оба любили оперу, и всякий раз, как оперная труппа приезжала в наш город, обязательно покупали шестипенсовые билеты на галерку на спектак-

ли в субботу вечером в Королевском театре. Шестипенсовые билеты мы брали исключительно по моему настоянию, поскольку дорогие билеты были мне не по карману, но время от времени Десмонд, ненавидящий сидеть на галерке, предлагал мне места в партере, делая вид, что это бесплатные билеты, которые иногда получает его мать.

– Карл Роза был удивительно хорош в прошлом месяце, – заметил я. – Мне действительно понравился Доницетти.

– «Лючия ди Ламмермур», – улыбнулся Десмонд. – Тебе, как истинному шотландцу, он не мог не понравиться!

– А певица была выше всяких похвал. Ведь ария невесты чертовски трудная!

– Я рад, что ты сказал «ария невесты». Было бы грубо называть ее «арией сумасшедшей». Да, Джеральдина Мур – кумир Дублина.

– Она просто изумительная! Такая молодая и такая красивая!

– Алек, я непременно передам ей твои комплименты, – мрачно заметил Десмонд. – Когда увижу, конечно.

И при этих словах мы оба дружно рассмеялись. Могли ли мы тогда предполагать, что сия прелестная и одаренная женщина в будущем сыграет важную, причем весьма активную, роль в судьбе и карьере Десмонда?

Большая часть публики уже успела покинуть зал. Обычно мы ждали, пока все выйдут, поскольку Десмонд терпеть не мог ломиться в дверь вместе с толпой.

– Может быть, чая? – вопросительно посмотрел я на Десмонда.

– С удовольствием, Алек, – просиял он.

С самого начала нашей дружбы с Десмондом мама как-то сказала мне: «Мы не нахлебники. И по возможности должны платить добром за добро». – «Конечно-конечно... Но мы не совсем...» – «Да, мы бедны, – яростно перебила меня мама. – Но нам никогда, слышишь, никогда не следует этого стыдиться».

И теперь Десмонд по субботам пил чай у меня в гостях, но первое посещение нашего скромного жилища, несомненно, потрясло его. Когда мы вышли из парка и свернули в не самый престижный район под названием Йоркхилл, Десмонд с нескрываемым отвращением разглядывал дешевые лавки и принимался к чудовищным запахам жареной рыбы с картофелем фри, доносившимся из открытых дверей заведения Антонио Мосено, который, уже облаченный в передник, стоял на пороге и призывно махал мне рукой:

– Здравствуйте, здравствуйте, мистер Шеннон! Зеленый горошек готов. Жареная картошка поспеет минут через двадцать.

– Друг? – осторожно поинтересовался Десмонд.

– Да, и очень хороший. Если я прихожу за жареной картошкой на пенни, он всегда дает мне двойную порцию.

Когда мы проходили мимо лавки мясника в конце улочки, ее хозяин, одетый во что-то сине-полосатое, перепоясанное кушаком, приветственно мне помахал.

– Еще один друг, – поспешил предупредить я вопрос Десмонда. – Он шотландец. И если мама приходит в его лавку по субботам перед закрытием, то всегда получает первоклассный товар.

Десмонд как-то странно притих, и, когда мы вскарабкались на крутой холм, на котором стоял наш многоквартирный дом, я понял почему. Так вот, после того как мы вошли в дом и не без труда преодолели четыре лестничных марша до нашей квартиры на верхнем этаже, он застыл рядом со мной, запыхавшись и явно потеряв дар речи.

– Послушай, Алек, – наконец выдохнул он, – высокомерно забрались!

– Ерунда, Десмонд! – отрезал я. – Утром после холодной ванны и трех кругов вокруг дома, что составляет около мили, я птицей взлетаю по ступенькам.

– Действительно? – бесцветным голосом спросил Десмонд.

Я достал ключ, открыл дверь и провел своего друга на кухню, где мама, перед тем как деликатно удалиться, сервировала маленький кухонный стол с чистой белой скатертью всем, что нужно для чаепития, и даже поставила большую тарелку с песочным печеньем.

Десмонд рухнул на один из двух стульев, стоявших возле стола, и принялся молча наблюдать за тем, как я зажигаю газ, кипячу воду в чайнике, со знанием дела завариваю чай и разливаю его по чашкам.

Затем, судорожно сглотив, он сказал:

– Замечательно, Алек! Очень бодрит.

Я долил ему чая и придвинул поближе тарелку с печеньем.

Десмонд взял одно, осторожно надкусил, и лицо его просияло.

– Послушай, Алек, печенье просто восхитительное!

– Домашнее. Угощайся.

И мы принялись за дело. И действительно, в скором времени Десмонд практически опустошил тарелку, хотя, конечно, и не без моей помощи.

– Я еще хуже, чем старина Бошан с его французскими пирожными, – извиняющимся тоном заметил Десмонд, прежде чем взять девятое по счету, и последнее, печенье.

В ответ я в третий раз наполнил его чашку чаем.

Восстановив силы и слегка ожив, Десмонд стал рассматривать обстановку, и его взгляд остановился на занавешенном алькове за моей спиной.

– Алек, ты что, здесь занимаешься?

Я ногой отдернул занавеску, открыв взору аккуратно застеленную узкую железную кровать под серым покрывалом.

– Мамина спальня, – сказал я. – Хочешь посмотреть мою?

В ответ Десмонд только молча кивнул. Я провел его через крошечную прихожую и распахнул дверь в комнату.

– Вот мои владения, – улыбнулся я. – Здесь я сплю, работаю и занимаюсь гимнастикой.

Оторопевший Десмонд последовал за мной. Комната бы-

ла практически пустой. Из всей обстановки только узкая кровать на колесиках у стены и ветхое бюро с задвигающейся шторкой, уцелевшее лишь потому, что при распродаже нашего имущества его сочли непригодным для продажи на аукционе.

Так как Десмонд упорно продолжал молчать, я взял с каминной полки каучуковый мячик и бросил его так, чтобы он ударился о стену, а когда тот отскочил под острым углом, поймал.

– Моя, так сказать, настенная игра. Если удастся поймать мяч пятьдесят раз подряд, значит я выиграл.

Но Десмонд, который в ответ не проронил ни слова, вдруг подошел ко мне, все с тем же странным, взволнованным выражением лица, и, взяв меня за руку, к моему крайнему смущению, опустился передо мной на одно колено.

– Алек! – подняв на меня глаза, воскликнул он. – Ты такой благородный. Воистину благородный, так же как и твоя дорогая матушка. Жить, как вы живете, так скромно и так аскетично, но при этом сохранять жизнерадостность и высоту духа, могут только святые. Дорогой Алек, когда я смотрю на тебя, мне становится стыдно за себя, – сказал он и дрогнувшим голосом добавил: – Осени меня крестным знаменем и дай мне свое благословение.

Чувствуя жуткую неловкость, я уже готов был сказать: «Ради Бога, не будь идиотом!» – но по какой-то неясной причине все же сдержался и, пробормотав: «Во имя Отца, Сына

и Святого Духа», перекрестил его лоб.

Десмонд тут же расслабился, вскочил на ноги и стал яростно трясти мою руку.

– Теперь я чувствую, что у меня хватит смелости следовать твоему примеру. Я не должен потакать своим слабостям. И я начну прямо сейчас. Отсюда до моего дома пара миль, – после секундного размышления произнес Десмонд. – Причем все время в гору, если идти через парк.

– Даже чуть-чуть больше, – заметил я.

– Прекрасно. Начну прямо сейчас. Если пойду быстрым шагом, то обещаю тебе, что уже через двадцать минут буду дома.

– Тебе придется здорово попотеть! – предупредил я Десмонда.

– Ну тогда я пошел, – сняв с крючка фуражку, заявил Десмонд и направился к двери. – Спасибо тебе за чудесный чай... и за то, что ты есть.

Я стоял, прислушиваясь к его шагам, гулко отдававшимся от каменных ступеней, а затем подошел к окну. Верный своему слову, Десмонд быстро шагал вперед, наклонив голову и размахивая в такт ходьбе руками. Но постепенно шаг его замедлился, словно мой друг неожиданно выдохся. Хотя что ж тут удивительного, если учесть, сколько печенья умял Десмонд! Вот он остановился и, достав белоснежный носовой платок, вытер лоб, а потом пошел дальше, но уже медленнее, гораздо медленнее. Теперь он был на главной улице. Там он

остановился, чтобы пропустить поток транспорта, и, увидев пустой кеб, призывно махнул правой рукой. Кеб остановился, дверь открылась, и Десмонд нырнул внутрь.

– Домой, Джеймс, – пробормотал я себе под нос. – И не жалею лошадей!

Но все же он попытался!

Солнце медленно заходило за холмы Дамбартона вдалеке, озаряя розовым светом верхушки крыш и заливая мою пустую комнату волшебным сиянием. Устремив взгляд на закатное небо, я невольно задумался, какое будущее ждет Десмонда... и меня тоже.

Глава 4

Десмонд, который не слишком утруждал себя учебой, от природы обладал ясным умом, а благодаря покойному отцу и таким преимуществам, как знание трех языков. Он свободно говорил по-французски и по-испански и даже мог вести беседу, хотя и с некоторой запинкой, на латыни. Десмонд объяснил мне почти извиняющимся тоном, что каждый вечер отец брал его на прогулку в Феникс-парк в Дублине, предварительно строго регламентировав язык, на котором они будут общаться. Перейти на английский было серьезным проступком, не наказуемым, но явно не одобряемым его высокообразованным родителем, известным ученым, которого приглашали подбирать и каталогизировать библиотеки в лучшие

дома Европы.

К последнему году обучения в школе уже заранее было понятно, что Десмонд станет обладателем всех языковых призов, тогда как я, приложив максимум усилий, смогу преуспеть в математике, естественных науках и, если повезет, в английском. Уже было решено, что Десмонд продолжит обучение в семинарии в Торрихосе в Испании, а я попытаю счастья получить стипендию Маршалла, которая с учетом моих финансовых обстоятельств является единственно возможным для меня пропуском в Уинтонский университет и медицинский мир.

Мои шансы на получение стипендии, как ни странно, уменьшались в связи с тем обстоятельством, что наша школа одержала череду беспрецедентных побед в чемпионате за Щит шотландских школ. Сей заветный приз еще ни разу не доставался школе Святого Игнатия, и когда мы прошли отборочные матчи четверти финала, оставив за спиной поверженных противников из других школ, отец Йегер, который год назад сделал меня капитаном команды, стал сам не свой от волнения и желания победить.

Чуть ли не через день мы отправлялись в спортзал на продолжительные тренировки, а перед каждой игрой я проходил короткий инструктаж в кабинете отца Йегера.

«Алек, думаю, мы вполне способны это сделать, – возбужденно говорил мне отец Йегер, который, будучи не в силах усидеть на месте, мерил шагами крошечный кабинет. – Мы,

конечно, команда молодая, очень молодая, но многообещающая, да, весьма многообещающая. И у нас есть ты, Алек, который, как никто другой, умеет вести мяч вперед, к воротам противника. А теперь запомни...»

Десмонд ходил со мной на все матчи, а потом с видом триумфатора возвращался в Овертон-Кресцент на наши традиционные субботние ланчи, во время которых несказанно радовал мою маму рассказами о моих подвигах, явно преувеличивая мои заслуги.

Теперь, когда его переход в семинарию был делом решенным, он развлекал себя и всю школу на свой особый лад. Для начала он узнал дату рождения отца Бошана, заглянув в справочник «Кто есть кто», и специально к этому памятному дню сочинил, а потом напечатал на машинке великолепное письмо от лица матери настоятельницы соседней монастырской школы, почтенной немолодой дамы, редко появляющейся на людях.

Письмо было следующего содержания:

Мой дорогой, дорогой отец Бошан!

Если бы мне достало смелости, то я назвала бы Вас по имени, произнесла бы Ваше чудесное имя Харольд, поскольку теперь хочу признаться, что уже очень давно питаю к Вам глубокое, трепетное и страстное благоговение. Да, я часто наблюдаю из окна, как Вы стремительной походкой идете по нашей мощеной дорожке, люблюсь Вашей благородной, величественной и дородной фигурой и с замиранием серд-

да вспоминаю дни нашей юности, так как знаю Вас со времен своей молодости. Когда Вы, увенчанный научными наградами, покидали Итон, я была простой девушкой, учащейся расположенного неподалеку исправительного заведения Борсталь. Какие совместные радости сулило нам будущее. Увы, Господь распорядился иначе. И вот сейчас, приняв постриг, я могу невинно и безгрешно поведать Вам о своей тайной страсти. И в ознаменование дня Вашего чудесного рождения я набралась смелости послать Вам праздничный торт. Интуиция, а может быть, и слухи подсказывают мне, что, несмотря на строжайшие ограничения в еде, предписываемые Вашим орденом, Вы не отказываете себе в удовольствии полакомиться сладеньким.

Благослови Вас Господь, мой ненаглядный!

Я всегда буду воссылать за Вас молитвы – как утешение моей любви.

Обожающая Вас

Кларибел.

Этот шедевр, передаваемый из рук в руки среди учеников школы и каждый раз встречаемый взрывами хохота, был наконец приложен к перевязанной ленточками коробке с огромным шоколадным тортом.

Затем коробку передали веселой маленькой толстушке из школы при монастыре, которую Десмонд привлек к осуществления своего замысла. Именно она раздобыла для него листок фирменной монастырской бумаги, на котором и бы-

ло напечатано письмо, и именно она в назначенный день позвонила в дверь школы Святого Игнатия и лично вручила подарок отцу Бошану. Коробка была передана на глазах у всей школы, и вся школа затаила дыхание в предвкушении развязки.

Целый день все шло как всегда, то есть никакой реакции не последовало, но в пять часов, когда ученики собрались на вечернюю молитву, появился отец Бошан, который должен был вести службу. Но прежде чем начать, он почти рассеянно произнес:

– Фицджеральд, окажи мне любезность, встань, пожалуйста. – (Десмонд смиренно повиновался.) – Ты Десмонд Фицджеральд?

– Я всегда полагал, что так, сэр. Если я заблуждаюсь, можете меня поправить.

– Довольно! Фицджеральд, ты действительно считаешь меня дородным?

– Дородным, сэр? Это понятие включает множество значений – от избыточного веса до легкой благородной полноты, которая вполне пристала достойному прелату вашего ранга.

– Ах! Полагаю, ты знаешь или, по крайней мере, слышал о достопочтенной матери настоятельнице соседней монастырской школы?

– Кто о ней не слышал, сэр?

– Ты можешь хотя бы на секунду поверить, что юные годы

она провела в исправительном заведении Борсталь?

– Сэр, вы ведь, должно быть, и сами прекрасно знаете, что многие наши признанные святые, являющиеся образцом благочестия и набожности, в далекой молодости были нечестивцами и правонарушителями, что не помешало их канонизации. Итак, даже если наша почтенная мать настоятельница и попала по молодости в Борсталь, кто первым осмелится бросить в нее камень?!

По нашим рядам прокатился сдержанный смешок. Мы прямо-таки упивались происходящим.

– Довольно, Десмонд! – По мягкости тона Бошана было видно, что он не меньше нашего наслаждается словесной дуэлью. – Довольно, сэр. Даже если оставить тему Борсталя в стороне, неужели вы считаете возможным, что такая почтенная и безгрешная дама, будет лелеять тайную страсть к мужчине.

– Я ни в коем случае не стал бы отрицать такой возможности, сэр!

– Что?!

– Слово «страсть», так же как и ваша дородность, – тут вся школа, более не в силах сдерживаться, прямо-таки легла от хохота, – имеет множество значений. Оно подразумевает вспышку не только любви, но и страстей, то бишь гнева, который может вас охватить – упаси, Господи! – если я, паче чаяния, осмелюсь вам досаждать. И тогда я вернулся бы к своей дражайшей матушке в слезах и воскликнул бы: «Лю-

безная моя матушка, я вызвал у нашего дорогого отца Бошана, нашего всеми любимого префекта по учебной работе, вспышку страстей, то бишь гнева!» – Здесь Десмонд сделал театральную паузу, чтобы смысл его речи дошел до присутствующих, которые от смеха уже бились в истерику, а потом продолжил: – Или же, сэр, это слово весьма употребительно в случае, когда молодая очаровательная женщина гордо входит в комнату с корзиной роз и говорит своему другу: «Дорогой, у меня страсть к розам. Я их просто обожаю». Или же, напротив, когда муж-подкаблучник заявляет своей супруге: «У тебя прямо-таки страсть к обновкам, будь ты проклята! Ты только полюбуйся на счет от модистки!» А вот еще...

– Довольно, Десмонд! – Отец Бошан взмахом руки утихомирил разошедшихся учеников. – Скажи, это ты написал письмо, приложенное к торту?

– Наводящий вопрос, сэр. И даже в зале суда мне непременно предоставили бы определенное время, чтобы поразмыслить и хорошенько его обдумать либо при необходимости посоветоваться со своим адвокатом... – Неожиданно Десмонд замолчал, почувствовав, что извлек из ситуации все, что мог, чтобы позабавить аудиторию, и если вовремя не остановиться, то можно только испортить полученный эффект, а потому склонил голову и смиренно произнес: – Да, это я прислал вам торт, сэр. И это я сочинил письмо. Я сделал это ради забавы, сэр. Если мой поступок рассердил вас, я приношу свои извинения и готов понести заслуженное на-

казание. Я уверен, что каждый, кто принимал участие в глупой шутке, сейчас искренне раскаивается. Смею только надеяться, что вам понравился торт.

В зале наступила мертвая тишина. Казалось, было слышно, как муха пролетит. Затем Бошан начал говорить:

– Десмонд, я с большой долей уверенности и без тени сомнения могу предсказать, что ты, если, конечно, не собьешься с пути, закончишь свои дни принадлежащим к ближнему кругу кардиналом в Ватикане. Ты обладаешь необходимым для этого умением дипломатично уходить от прямого ответа, что чрезвычайно приветствуется в сем августейшем органе управления. Тем не менее, поскольку ты, как ученик, все еще находишься под моим началом, то заслуживаешь наказания. Твое наказание будет заключаться в следующем. – Тут Бошан сделал драматическую паузу, и зал замер. – В следующий раз пришлешь мне вишневый торт. Мне он нравится больше, чем шоколадный.

Это был мастерский ход. Бошан знал, как держать в руках мальчишек. Мы в едином порыве повскакали с мест и по знаку Десмонда наградили префекта по учебной работе бурными аплодисментами.

В преддверии близких каникул и учителя, и ученики были в прекрасном расположении духа. Мы только что выиграли матч полуфинала у известной школы Аллана Глена, которая славилась своей сильной командой и встречи с которой мы изрядно опасались. С каким удовольствием я вспоминаю ту

памятную игру, проходившую солнечным погожим вечером на поле прославленного футбольного клуба «Селтик», на коротко подстриженной гладкой зеленой лужайке, так хорошо подходящей для нашей стремительной игры, во время которой каждый член нашей команды демонстрировал прекрасную форму. Помню радость победы и приветственные крики во время нашего прохода в раздевалку, где ликующий отец Йегер стиснул меня в крепких объятиях.

Самое большое наше препятствие было устранено, мы вышли в финал. Нашим противником должна была стать малоизвестная команда из начальной школы, так что ни у кого не оставалось сомнений в том, что желанный приз у нас в кармане. Я тогда был в большом фаворе, и даже отец Бошан, человек далекий от спорта, при встрече в школьном коридоре одаривал меня широкой улыбкой.

Экзамены уже были позади, результаты вывешены на доске объявлений. Как и ожидалось, Десмонд прекрасно сдал все экзамены, завоевав половину наград, тогда как вторая половина досталась мне, скромному трудяге. Более того, на доске висело официальное сообщение из университета о том, что я получил, к превеликой радости моей дорогой мамы и моей тоже, стипендию Маршалла. И наконец, на доске объявлений висело приглашение мальчикам из старшего шестого принять участие в ежегодном танцевальном вечере, который устраивали старшеклассницы монастырской школы под строгим контролем матери настоятельницы. Такой обы-

чай, заведенный для двух соседних школ, был направлен, вне всякого сомнения, на организацию встреч мальчиков и девочек, принадлежащих к католической вере, хорошо образованных и обладающих высокими моральными качествами. Считалось, что подобные встречи могут возыметь спасительное и даже благотворное воздействие на подрастающее поколение именно теперь, когда молодым людям, незащищенным и неподготовленным, предстояло столкнуться лицом к лицу с мирскими соблазнами. Мы, естественно, восприняли приглашение как потрясающую шутку.

День решающей финальной встречи неотвратимо приближался. Матч был назначен на пять часов вечера и должен был состояться в Хэмпден-Парке, всемирно известной игровой площадке, и для события школьного масштаба зрителей оказалось на удивление много. Даже сейчас мне трудно без боли описывать то событие, воспоминание о котором до сих пор ранит мне сердце. Начали мы очень даже неплохо и полностью владели мячом, так что в течение примерно семи минут вели в игре и чуть было не забили два гола. А затем произошел неприятный инцидент.

Наш левый защитник, мальчик лет пятнадцати, не больше, имел неприятную привычку бегать – и даже ходить, – растопырив локти, и вот сейчас, во время игры, он случайно блокировал одного из нападающих противника. Локоть нашего игрока лишь слегка коснулся корпуса того мальчика, который, увы, тем не менее поскользнулся и упал. И сразу

же раздался свисток судьи. Пенальти!

Удар по мячу, гол в наши ворота – и наша молодая команда утратила контроль над игрой. А потом пошел дождь, и мы промокли до нитки, порывы ветра неумолимо стегали по лицу, из-за безжалостного ливня поле преждевременно окутало тьмой, так что практически не было видно ни разметки, ни самого мяча. Нашим соперникам было не легче, чем нам, но на их счету ведь уже был забитый гол. Время неумолимо бежало вперед. На последних минутах игры я получил мяч на боковой линии, вне зоны пенальти. И я предпринял отчаянную попытку вслепую забить гол в ворота противника. Мои усилия должны были увенчаться успехом, так как мяч летел прямо в верхний угол ворот, но неожиданно, подхваченный сильным порывом ветра, он изменил траекторию, ударился о стойку ворот, взмыл в воздух и исчез.

И тут же прозвучал финальный свисток, мы были разгромлены, причем ни за что ни про что. В раздевалке бедный отец Йегер, пепельно-серый от волнения и внутреннего напряжения, тотчас же пресек поток наших проклятий в адрес судьи.

– Мальчики, вы сделали все, что могли. Нам помешал ливень и... – с горечью произнес он, – тот факт, что на нас были зеленые футболки¹¹. А теперь живо переодеваться, автобус ждет!

¹¹ Намек на враждебное отношение шотландцев к ирландцам; зеленый цвет является символом Ирландии.

Мне не хватило душевных сил присутствовать на организованном для нас обеде, и я спрятался в душевой, покинув ее, только когда шум мотора нашего автобуса стих где-то вдалеке. Тогда я взял свою сумку и вышел под дождь, прекрасно понимая, что мне предстоит сначала долго плестись до трамвайной остановки, а потом еще дольше трястись в трамвае.

Неожиданно я почувствовал чью-то руку на своем плече.

– Дорогой Алек, нас ждет такси. Мне удалось поймать его за воротами стадиона. Дай мне свою сумку. Я не буду комментировать игру и доставлю тебя домой в лучшем виде.

Он подвел меня к машине и помог забраться внутрь. И в этом был весь Десмонд, который в очередной раз продемонстрировал свои лучшие качества. Я благодарно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Когда мы выехали из ворот и уже направлялись к дому, Десмонд прошептал:

– Алек, ты спишь?

– К несчастью, нет.

– Я не собираюсь обсуждать игру, Алек, но хочу, чтобы ты знал, что я весь матч молился, как сумасшедший, и чуть не умер, когда сорвался твой гол.

– Рад, что тебе удалось выжить.

– Послезавтра я уезжаю в Торрихос, в семинарию, – немного помолчав, произнес Десмонд.

– Так скоро?

– Да. Мама жутко расстроена. Она поедет со мной в Мадрид, но я смогу увидеть ее только тогда, когда приму духовный сан.

– Как жестоко!

– Да, насколько я понимаю, у них там ужасно строгие правила. – В салоне такси снова стало тихо, но затем Десмонд наклонился ко мне и прошептал: – Алек, ты ведь знаешь, что я люблю тебя.

– Десмонд, слово «любить» звучит слишком категорично.

– Ну тогда я очень-очень люблю тебя и хочу, чтобы ты обещал мне не терять со мной связь. Там, где я буду, письма не запрещены, и я собираюсь часто писать тебе. Не возражаешь?

– Вовсе нет, и я постараюсь отвечать тебе, если, конечно, меня вконец не dokonает анатомия Куэйна.

– Спасибо, спасибо тебе, дорогой Алек!

Итак, соглашение было заключено. И именно благодаря этому я могу продолжить свое повествование, не упуская даже малейших деталей, несмотря на тот факт, что иногда мы с Десмондом не виделись годами.

Такси остановилось. Мы подъехали к моему дому.

– Десмонд, спасибо тебе, что ты такой хороший! Иначе я добирался бы сюда больше часа, – сказал я и пожал ему руку; мне показалось, что, когда я вылезал из машины, он хотел поцеловать меня в щеку, но не успел. – Спокойной ночи, Десмонд. И еще раз большое спасибо!

– Спокойной ночи, мой дорогой Алек.

Глава 5

Я так вымотался – и морально, и физически, – что на следующее утро встал очень поздно и даже пропустил привычную пробежку по парку. И хотя вручение школьных наград должно было состояться только ближе к вечеру, мама отпросилась с работы на весь день. Чтобы побаловать меня, она принесла мне завтрак в постель; на подносе, кроме обычной овсянки, были горячие тосты с маслом и тарелка яичницы с беконом. Она ни словом не обмолвилась о вчерашнем матче, хотя я без труда догадался по ее лицу, что она огорчена, хотя и пытается замаскировать свои истинные чувства нарочитой веселостью.

Пока я расправлялся с завтраком, она сидела рядом, а потом со словами: «Дорогой, у меня для тебя сюрприз» – вышла в прихожую и вернулась с большой картонной коробкой в руках. Она сняла крышку, и я увидела новый, чрезвычайно красивый темно-синий костюм.

Не веря своим глазам, я уставился на костюм:

– Где ты его раздобыла?

– Не имеет значения, дорогой. Ты ведь понимаешь, что в университете тебе понадобится приличный костюм. А теперь вставай и быстренько примерь его.

– Где ты его раздобыла? – уже строже повторил я свой

вопрос.

– Ну... помнишь мою дурацкую серебряную брошь...

– Ту, что с жемчужным ободком.

– Мне она не нужна. И вообще она мне надоела, бесполезная старая вещь... Я продала ее... очень приличному маленькому еврею, которого знаю по своему району.

– Но ты ведь любила эту брошь. Ты еще говорила, что она досталась тебе от матери.

Мама пристально на меня посмотрела и, немного помолчав, сказала:

– Пожалуйста, дорогой, не стоит поднимать столько шума по пустякам. Тебе необходим новый костюм для церемонии награждения и особенно для танцев, которые будут после.

– Не хочу я идти ни на какие танцы. Мне там не понравится.

– Ты обязательно должен пойти, обязательно... У тебя совсем нет ни развлечений, ни светской жизни, – грустно улыбнулась мама и добавила: – Сегодня утром школьный служащий принес письмо, которое касается тебя. От отца Йегера.

– Покажи мне письмо.

– Не покажу. Письмо адресовано мне, и я оставлю его у себя. Кроме того, я вовсе не собираюсь еще больше раздувать твое самомнение. – Она замолчала, и мы уставились друг на друга, с трудом сдерживая смех. – Он только упомянул, что ты, как он очень надеется, жив и здоров, поскольку тебя не было на обеде. И он хотел бы, если у тебя найдется минутка,

чтобы ты заглянул к нему до его отъезда в понедельник.

– Неужели он уезжает?

– Похоже на то.

Я застыл в задумчивости, ошарашенный этим известием. Хотя что зря гадать, ответ я смогу получить уже сегодня.

– Дорогой, ну давай же примерь костюм.

Я неуклюже поднялся, чувствуя себя каким-то одеревенелым, и с трудом заставил себя залезть в ванну с ледяной водой. Рядом с костюмом лежали чистая белая рубашка и новый голубой галстук. Я стал тщательно одеваться, время от времени не без удовольствия проверяя результаты, так как уже очень давно – по крайней мере не меньше пяти лет – не выглядел таким нарядным.

Моя дорогая мама оглядела меня с головы до ног, медленно прошлась вокруг и снова посмотрела на меня. С ее стороны не было никаких взрывов восторга, никаких преувеличенных слов одобрения, никакого сюсюканья типа «о, мой любимый сыночек», но глаза ее говорили больше всяких слов, когда она обняла меня и спокойно заметила:

– Сидит замечательно. Вот теперь ты похож на самого себя.

Весь день я слонялся без дела, зализывая раны и постоянно путаясь у мамы под ногами, но уже в пять часов мы сидели с ней в актовом зале, практически заполненном выпускниками, которые пришли в сопровождении родителей и друзей. Десмонда я заметил сразу, но, как он нам объ-

яснил, его мама не смогла присутствовать, поскольку была занята последними приготовлениями к отъезду. Однако именно Десмонд открыл торжественную церемонию: он запел школьный гимн, новую версию которого написал отец Робертс. Правда, эффект был несколько подпорчен разговорами опоздавших и шумом отодвигаемых стульев. И тут на сцене появился отец Бошан. После короткой молитвы, во время которой зал встал, отец Бошан отчитался о проделанных за год успехах и приступил к раздаче наград. Родители отличившихся мальчиков сияли от гордости, те же, кому повезло меньше, не могли скрыть досады. Я слышал, как женщина за нашей спиной, злобно шептала своему соседу: «А наш-то, наш Вилли был пятым по богословию. И чо тогда его, того, не наградили?»»

Наконец, уже более медленно, отец Бошан стал называть имена лучших из лучших, и очень скоро Десмонда пригласили пройти на сцену. Под сдержанные аплодисменты мой друг принял положенные ему в награду книги и, грациозно поклонившись, удалился. Затем настал мой черед. И мне было ужасно приятно в первую очередь потому, что мама может мной гордиться, когда меня встретили шквалом аплодисментов, которые продолжались до тех пор, пока отец Бошан, подняв руку, не утихомирил зал. Он начал говорить, предположительно обо мне, поскольку в зале снова раздались аплодисменты, и хотя я уловил фразу: «наш великолепный Шеннон», но больше практически ничего не слышал,

так как мой взгляд был прикован к лежащему на стопке книг конверту.

Наконец пытка закончилась, отец Бошан неловко пожал мне руку, я пробрался обратно на свое место, и мама, пунцовая от гордости, сжала мою ладонь и подарила мне взгляд, который я никогда не забуду. Память о нем помогла мне выдержать все испытания, выпавшие затем на мою долю.

После еще одной молитвы нас отпустили, и толпа устремилась к выходу. Я проводил маму до трамвайной остановки у подножия холма, но, перед тем как посадить на трамвай, вручил ей заветный конверт.

– Здесь пять гиней наличными, мой приз за победу в конкурсе на лучшее эссе на английском языке. Не могла бы ты оказать мне такую любезность сходить к своему еврейскому другу и выкупить у него брошь?

Мама и рта не успела открыть, как уже была в отъезжающем трамвае, а я, чувствуя прилив сентиментальных чувств и стеснение в груди, стал медленно подниматься на холм.

Башенные часы на здании школы показывали двадцать минут седьмого. Я сразу же направился в кабинет отца Йегера. Он был на месте, сидел в своем любимом кресле и явно ничем не был занят, но выглядел, как мне показалось, непривычно задумчивым.

– Алек, я ждал, что ты придешь. Твоя мама получила мое письмо?

– Да, сэр, получила. Но решительно отказалась раскрыть

мне его содержание.

– Хорошо, – улыбнулся отец Йегер. – Я действительно хотел видеть тебя, Алек, но не для того, чтобы обсуждать игру – это все в прошлом, – а потому, что я, возможно... очень скоро уеду. – Посмотрев на свои наручные часы, он озабоченно спросил: – А тебе разве сейчас не пора уже быть на танцах?

– Чем больше я пропущу, тем лучше для меня, сэр. И я действительно ужасно вам благодарен за приз за лучшее эссе. Вы ведь знали, что я нуждаюсь в деньгах.

– Не говори ерунды! Твое эссе было на два порядка лучше других. У тебя в этой области особый дар.

– Хорошо, сэр, – засмеялся я. – Он мне пригодится, когда я буду выписывать рецепты. Но, ради Бога, скажите, вы что, уезжаете в отпуск?

– Не совсем так. Но я буду далеко.

В комнате повисла неловкая тишина. Заметив, что он не курит свою любимую трубку, я спросил:

– Может быть, набить вам трубку, сэр?

Я частенько оказывал ему эту услугу во время наших бесед о футболе. Однако на сей раз он только покачал головой.

– Алек, мне пока стоит повременить с курением, – сказал он и, замявшись, добавил: – У меня на языке появилось какое-то странное пятно, которое может представлять определенный интерес для твоих будущих коллег.

– Что, очень беспокоит?

– Терпеть можно, – улыбнулся он. – Но в понедельник, когда приеду за результатами обследования, смогу узнать больше.

Я словно лишился дара речи. Мне не слишком понравилось то, что я сейчас услышал.

– И что, вас могут оставить в больнице, чтобы убрать пятно?

– Это будет ясно на следующей неделе. Возможно, потом я переберусь на нашу базу в Стонихерсте. В любом случае я хотел сказать тебе до свидания и пожелать дальнейших успехов в учебе в университете. Я в тебя верю, потому что у тебя кое-что есть здесь, – тут отец Йегер приложил руку ко лбу, – и здесь, – ткнув кулаком себя в грудь, произнес он. – Однако у меня нет той же уверенности относительно будущего твоего друга, – продолжил он. – У Фицджеральда в характере есть одновременно и хорошее, и дурное. Больше хорошего, очень хорошего, но в остальном... – Пожав плечами, он покачал головой. – Ну ладно, Алек, тебе действительно пора бежать. Тебе уже давно пора было быть на танцах, а то они могут решить, что ты уклоняешься от этого мероприятия. Я провожу тебя. Хочу сходить в церковь и побыть там немного.

Когда мы вместе подошли к дверям школы, он остановился и, крепко сжав мою руку, посмотрел мне прямо в глаза:

– До свидания, Алек.

– До свидания, сэр.

Отец Йегер повернулся и направился в сторону церкви, в

то время как я медленно, нога за ногу, перешел через дорожку и грустно поплелся в гору, по направлению к женскому монастырю. Я не мог не заметить, каким трагическим было выражение глаз отца Йегера. И на то были все основания.

У него нашли рак языка с метастазами в гортани и дальше. Шесть месяцев спустя, после трех операций и адских мучений, он умер. И хотя он вел жизнь аскета, придерживаясь во всем суровых ограничений, единственная слабость, которую он себе позволял, убила его.

Должно быть, предчувствие беды возникло у меня уже тогда, когда я входил в женский монастырь. Танцы были в самом разгаре, пары сонно кружились под бдительным взглядом группы немолодых монахинь, восседавших на сцене. Десмонд выделял замысловатые коленца, изо всех сил стараясь оживить праздник.

Танцы не входили в программу моего обучения, и все же я выбрал себе партнершу из стайки девушек, уныло подпиривших стенку, и сделал с ней пару кругов. Мы старательно наступали друг другу на ноги, при этом она еще и пыхла мне в правое ухо. Затем я передал ее с рук на руки совершенно не ожидавшему от меня такой подлости мальчику, а сам сел рядом с хорошенькой, тихой, сероглазой девочкой.

– Слава тебе, Господи, вы не танцуете.

– Нет, – отозвалась она. – Завтра я принимаю послушничество.

– В здешнем монастыре?

В ответ она только кивнула головой, а потом неожиданно спросила:

– Тот мальчик, что так выпендривается, и есть Фицджеральд? Тот, что решил стать священником?

– Да, в понедельник он уезжает в семинарию.

– Вы шутите! Уже через два дня?

– А почему бы и нет?

– Никогда не поверю, что можно вести себя так по-дурацки буквально накануне того дня, когда предстоит ступить на стезю служения Господу нашему Иисусу Христу.

Я не стал отвечать, не желая ввязываться в дискуссию о поведении, приличествующем перед принятием послушничества.

– А вы, должно быть, Шеннон. Известный футболист, получивший стипендию.

– Ради всего святого, откуда вы знаете?

– Мы здесь иногда говорим о вас, мальчиках.

– Вы что, собираетесь стать монахиней?

– Да. И тут уж ничего не поделаешь.

Я не мог не улыбнуться, услышав такой восхитительный ответ, и мы стали очень мило беседовать, но она неожиданно сказала:

– Думаю, мне пора идти.

– Так быстро! А ведь мы только-только начали друг другу нравиться...

Она вспыхнула, отчего стала еще привлекательнее.

– Вот потому-то мне и надо идти... Ты начинаешь мне нравиться больше, чем хотелось бы. – С этими словами она встала и протянула мне руку. – Спокойной ночи, Алек.

– Спокойной ночи, моя дорогая маленькая сестра.

Я проводил ее глазами в тайной надежде, что она обернется. И она действительно обернулась, посмотрела на меня долгим взглядом, а потом, потупившись, вышла из зала.

Я тоже решил уйти, но в этот момент сестры, сидящие на сцене, дружно поднялись при появлении очень старой, почтенного вида монахини, которая, тяжело опираясь на палку, шла в сопровождении молодой монашки. В центре сцены тут же появилось кресло, в которое и уселась старая дама.

Танцоры мгновенно застыли на месте, поскольку то была не кто иная, как сама мать настоятельница. Ласково посмотрев на присутствующих, настоятельница вполне отчетливо произнесла:

– Не мог бы юный Фицджеральд подойти ко мне?

Десмонд, проворно забравшись на сцену, поклонился, встал прямо перед старой монахиней, чтобы привлечь ее внимание, а потом опустился перед ней на одно колено.

– Ты тот самый ирландский мальчик, который поет?

– Да, преподобная мать настоятельница.

– Отец Бошан говорил мне о тебе. Но сначала, мой дорогой Десмонд, я хочу заверить тебя для восстановления твоего же душевного спокойствия, что я не получала образования в исправительном заведении Борсталь, которое, как те-

бе, похоже, известно, находится неподалеку от Итона.

Десмонд густо покраснел, а монахини на сцене захихикали. Небезызвестное письмо, несомненно, стало и здесь предметом шуток.

– Прощу простить меня, преподобная мать настоятельница. То была дурацкая затея.

– Ты уже прощен, Десмонд, но мне все же придется наложить на тебя епитимью, – произнесла мать настоятельница и после короткой паузы продолжила: – Я старая ирландская женщина, до сих пор скучающая по своей родине, на которую ей не суждено вернуться. А потому не мог бы ты сделать мне одолжение и спеть одну, только одну, ирландскую песню или балладу, чтобы утолить мою тоску по дому?

– Конечно могу, преподобная мать настоятельница. С превеликим удовольствием.

– Ты знаешь песню «Тара»? Или «Сын менестреля»?

– Я знаю обе.

– Тогда спой.

Она закрыла глаза и приготовилась слушать, а Десмонд сделал глубокий вдох и начал петь, исполнив сперва одну, а потом и другую балладу. И никогда еще он не пел так хорошо.

Молчит просторный тронный зал,

И двор порос травой:

В чертогах Тары отзвучал

Дух музыки живой¹².

Он на битву пошел, сын певца молодой,
Опоясан отцовским мечом;
Его арфа висит у него за спиной,
Его взоры пылают огнем...
Пал он в битве... Но враг, что его победил,
Был бессилен над гордой душой;
Смокла арфа: ее побежденный разбил,
Порвал струны он все до одной.
«Ты отвагу, любовь прославлять создана, —
Молвил он, — так не знай же оков.
Твоя песнь услаждать лишь свободных должна,
Но не будет звучать меж рабов!»¹³

Живая картина, достойная кисти живописца! В окружении монахинь старая, очень старая мать настоятельница сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, а возле нее – светловолосый, голубоглазый юноша с лицом ангела, рвущий сердце своим пением.

Когда песня закончилась, все так и остались стоять не шелохнувшись, пока мать настоятельница не начала говорить, глотая слезы:

– Спасибо тебе, мой дорогой Сын Менестреля. Да благословит тебя Отец Наш Небесный и воздаст тебе, за то, что

¹² Из цикла «Ирландские мелодии» Томаса Мура (перевод А. Голембы).

¹³ Из цикла «Ирландские мелодии» Томаса Мура (перевод А. Н. Плещеева).

позволил старой женщине, прежде чем отправиться на Небеса, вкусить райское блаженство на земле. – С этими словами она с помощью монахинь с трудом поднялась с кресла и ласково улыбнулась. – А теперь можете продолжать танцевать.

Когда она покинула сцену, в зале началось настоящее веселье, причем заводилой был Десмонд, окрыленный внезапным успехом и готовый действовать. Он уговорил веселую маленькую толстушку, которая оказалась капитаном школьной хоккейной команды, присоединиться к нему и сплясать нечто среднее между ирландской джиггой и удалым шотландским танцем.

Мне очень хотелось подойти к нему, чтобы сказать последнее прощай. Но, по правде говоря, мы уже сделали это после матча, а потому, сопровождаемый веселыми звуками «То Кэмпбеллы идут – ура, ура!», извлекаемыми из пианино, я вышел на улицу и глубоко вдохнул прохладный ночной воздух.

Придя домой, я обнаружил, что мама не спит и ждет меня. Я еще не успел снять ботинки в прихожей, как услышал ее голос:

– Дорогой, надеюсь, ты успел проголодаться? Я приготовила тебе чудные гренки с сыром.

Я действительно успел проголодаться. И прошел на кухню. Мама повернулась ко мне, раскинув руки, – на груди у нее сверкала серебряная брошь.

Часть вторая

Глава 1

Десмонд поступил в семинарию Святого Симеона, расположенную в городишке Торрихос, в каких-нибудь десяти километрах от Толедо. Он писал мне часто, но не регулярно. За исключением первого письма, содержащего интересное описание семинарии и окрестных мест, остальные письма были довольно скучными и однообразными, поскольку монотонная монастырская жизнь не давала простора для воображения. Однако уже ближе к концу подготовки Десмонда к принятию духовного сана я получил два письма, представляющих определенный интерес и имеющих отношение к дальнейшей карьере Десмонда. И поэтому мне хотелось бы полностью привести здесь первое и два последних письма Десмонда.

Что касается меня, то, раз уж я снова незаметно вошел в жизнь Десмонда, должен сказать, что моя учеба в университете проходила в достаточно суровых условиях – почти таких же, как и школьные годы. Все та же полупустая крошечная квартирка, все та же простая еда и вечная овсянка, все та же нежная преданность мамы. Меня поддерживали лишь честолюбивые устремления. В университете были и другие

бедные студенты, которые соперничали в отчаянной борьбе за успех. В те далекие времена гранты еще так щедро не раздавали направо и налево. Умные, амбициозные юноши с нищих ферм на севере страны обычно приезжали с мешком муки, предназначенной для пропитания вплоть до следующего «мучного понедельника»¹⁴ – официального выходного дня в университете, который им давали для того, чтобы они могли съездить на родительскую ферму для пополнения запасов провизии.

И все же, несмотря на крайнее переутомление от чрезмерной нагрузки и бесконечных экзаменов, я частенько думал о Десмонде, который своими письмами постоянно напоминал о себе, и у меня появилось странное предчувствие, что, когда он станет священником, я снова окажусь рядом с ним.

Мой дорогой Алек!

Узри своего возлюбленного друга, своего fidus Achates¹⁵, в Испании, вблизи благородных стен города Толедо, согретого ласковыми лучами средиземноморского солнца, но глубоко несчастного и одинокого, опечаленного разлукой с любимой матушкой и страшящегося безрадостного будущего, которое ему предстоит.

Но сначала хочу слегка подсластить для тебя горькую пилюлю.

¹⁴ «Мучной понедельник» – первый понедельник февраля.

¹⁵ Верный Ахат (лат.), то есть верный друг, наперсник; выражение пошло от имени друга и спутника Энея.

Через два дня после нашей последней встречи я отправился в Рим вместе со своей дорогой матушкой, которая, несмотря на то что ее здоровье оставляет желать лучшего, вызвалась сопровождать меня. Путешествие наше было приятным и относительно спокойным. По прибытии мы направились в отель «Эксельсиор», расположенный на Виа Венето, где нам предоставили просторные и прохладные комнаты вдали от городского шума.

Целью нашей остановки в Вечном городе было не только получить возможность отдохнуть, что было крайне необходимо моей любимой матушке, но и возобновить полезные связи, которыми мой отец обзавелся во время своих частых поездок сюда для приобретения старинных манускриптов и книг, а также для каталогизации библиотек знатных семейств. И нас чрезвычайно порадовало то обстоятельство, что он не был забыт. Вскоре после нашего приезда зазвонил телефон, а у портье начали оставлять на наше имя визитные карточки. Позвонил монсеньор Броглио, жуткий старый зануда, к тому же еще и обжора, который, однако, провел нас в Ватикан. Были и другие. Очаровательная и гостеприимная маркиза ди Варезе несколько раз приглашала нас в свой прекрасный старинный дом на Виа делла Кроче. В свое время мой отец провел несколько недель в качестве гостя маркизы, занимаясь составлением и каталогизацией ее огромной и невероятно дорогой библиотеки. Мне даже показалось, что когда-то она питала к моему дорогому батюш-

ке нежные чувства, поскольку была со мной крайне мила и обещала в случае необходимости оказать любую поддержку. Именно маркиза сыграла немаловажную роль в том, что престарелый монсеньор смог организовать нам аудиенцию у Его Святейшества. Меня до глубины души тронула та знаменательная встреча – конечно, не аудиенция с глазу на глаз, которой удостоиваются исключительно королевские особы и знаменитости, – а пятнадцатиминутный прием в огромном зале в присутствии большой аудитории.

Естественно, мы прибыли туда вовремя, можешь не сомневаться. Я был в черном костюме, а мама – в обязательном черном платье, очень изящном, и в кружевной мантилье, которую одолжила ей маркиза. Сначала мы ждали в маленькой комнате, затем нас привели в зал, ближе к тому концу, что был отделен бархатным шнуром. Там нам снова пришлось подождать, но не более двух минут. Когда в сопровождении папского секретаря появился папа, я почувствовал почти что экстатическую дрожь во всем теле. Он излучал такое достоинство, такое спокойствие, такую удивительную доброту, когда после подсказки секретаря поздоровался с нами на безупречном английском, назвав нас по именам и, в частности, упомянув моего отца, которого знал еще в бытность кардиналом Пачелли, и все то, что он сделал для Церкви. Сперва Его Святейшество побеседовал с моей мамой, а потом – со мной, подчеркнув, сколько пользы могут принести в современном мире энергичные

молодые священники, и выражение его глаз говорило о том, что он знает о Толедо, поскольку пустился в пространные рассуждения о пользе самоотречения и покаяния. И разговор наш явно мог продолжаться гораздо дольше отпущенных пятнадцати минут, так как, похоже, мы вовсе не наскучили Его Святейшеству, но неожиданно массивные двери в другом конце зала позади нас распахнулись, и внутрь ввалилась целая ватага... Угадай кого, Алек?.. Моряков Американского военно-морского флота, которые рванули вперед, не сдерживая восторженных криков:

– Эй, парни, а вот и он! Его Святейшество! А теперь всем заткнуться! Не орать!

Когда порядок и спокойствие были восстановлены, их всех собрали в специально отведенной части зала, а нам секретарь велел встать на колени. Что я и сделал, но, когда мама собралась было последовать моему примеру, Его Святейшество положил ей руку на плечо и произнес:

– Вам, милая леди, не надо преклонять колена.

И он благословил нас на глазах у притихшей толпы.

Алек, ты помнишь тот случай, когда я попросил твоего благословения в пустой комнате? Так вот, я испытал то же самое нереальное, неземное, необъяснимое, возвышенное чувство. Гораздо более сильное, конечно, но по сути такое же. Так что в дальнейшем мне придется следить за собой, чтобы не назвать тебя Ваше Святейшество.

Нас вывели из зала по специальной лестнице, а вечером

маркиза устроила торжественный обед в нашу честь. На следующий день мы уже торопились в Мадрид. Поскольку мама заранее готовилась к поездке в Испанию и даже отложила на это приличную сумму, я решил повременить с приездом в семинарию, а провести два дня в Мадриде. По прибытии туда я сразу же взял такси и велел везти нас в отель «Риц», где нас приняли, как почетных гостей, и разместили в апартаментах с видом на сад.

Алек, ты даже представить себе не можешь, какой это замечательный отель! И я, ни секунды не сомневаясь, дал бы ему две дополнительные звезды, помимо уже имеющихся четырех. Наконец-то маме удалось по-настоящему отдохнуть под сенью апельсиновых деревьев, я же воспользовался случаем, чтобы хорошенько ознакомиться с Прадо, который, надо признаться, меня несколько разочаровал: слишком уж много гигантских портретов королей, хотя, конечно, там есть и чудесный, непревзойденный Веласкес: его «Менины». Мама немного беспокоилась по поводу позднего обеда, но, когда мы сели за стол, все недовольство как рукой сняло. Еда была такая, что пальчики оближешь!

Утром третьего дня я договорился с агентством о том, чтобы маму посадили вечером на поезд Мадрид – Париж – Па-де-Кале, билет на который я забронировал. Мы сели в просторный лимузин «испано-сюиза» и направились в сторону Толедо, в семинарию.

Перед запертыми воротами семинарии моя дорогая ма-

мочка обняла меня, и меня вдруг кольнуло нехорошее предчувствие, что мы расстаемся навсегда и мне не суждено ее более увидеть. Я проводил глазами такси, ожидая, пока оно не скроется из виду, а также, должен сознаться, пока не высохнут слезы, и только тогда прошел в ворота и по-испански попросил привратника проводить меня к отцу настоятелю. Привратник, немало удивленный тем, что я говорю на его языке, охотно подхватил мой чемодан и повел меня через широкий двор по направлению к центральной части семинарии – восхитительному старинному андалузскому аббатству, к сожалению, обезображенному двумя современными пристройками из бетона. Мы зашли внутрь, поднялись по чудесной старой лестнице из черного оливкового дерева и оказались перед запретной дверью из такого же черного дерева, где привратник и оставил мой багаж. Когда я дал ему несколько песет, он, похоже, снова удивился, но явно остался доволен.

– Хорошо, что сеньор знает испанский. Здесь вся прислуга – испанцы.

– И все мужчины?

– Конечно, сеньор. Отец настоятель Хакетт других не держит.

Я постучался в дверь, но, не получив ответа, все же вошел в комнату и был весьма изумлен, когда увидел высокого темноволосого священника, преклонившего колена на скамеечке для молитвы перед распятием на стене. А под распя-

тием в стеклянном ящике лежала – ты не поверишь! – отрезанная человеческая рука. Не успел я оправиться от потрясения, как священник неожиданно произнес:

– Выйди за дверь и жди там.

С трудом оторвав ноги от пола, я, с чемоданом в руке, вышел из комнаты и прождал за дверью минут десять, не меньше, когда услышал тот же голос:

– Можешь войти.

Я вошел, поставил чемодан на пол и, увидев напротив письменного стола стул, должно быть поставленный для меня, сел.

– Встань!

Я повиновался, с опаской взглянув на своего будущего отца настоятеля, сидевшего и внимательно изучавшего папку, которая, если верить моим худшим опасениям, была моим личным делом. Ты когда-нибудь видел иллюстрации Фица к «Дэвиду Копперфилду»? Так вот отец настоятель был точь-в-точь как отчим Дэвида Копперфилда: та же фигура и та же отталкивающая внешность, те же черные, глубоко посаженные глаза садиста. Мне он совсем не понравился, я почувствовал себя точь-в-точь как маленький Дэвид, когда того отправили на фабрику мыть бутылки.

– Известно ли тебе, мой дорогой Фицджеральд, что ты прибыл сюда с опозданием на три дня? – В голосе настоятеля слышался едкий сарказм, без тени юмора.

– Прошу прощения, отец мой, но меня провозжала матуши-

ка, и так как путешествие ее утомило, мы провели два дня в Риме, а затем остановились в «Рице» в Мадриде, поскольку я опять же считал, что с моей стороны будет благоразумнее провести ночь там.

– Похвальная сыновья преданность. А что ты делал в Риме, сын мой?

– Его Святейшество, папа, удостоил нас личной аудиенции.

Мне казалось, что это может его смягчить. Но не тут-то было. Он продолжал улыбаться, и, смею тебя заверить, Алек, его улыбка мне не слишком понравилась.

– Так что же сказал тебе Его Святейшество?

И тут я по недомыслию выложил ему всю правду:

– Он особо отметил достоинства самоотречения и покаяния.

При этих словах отец настоятель неожиданно поднял сжатую в кулак огромную руку и с такой силой ударил кулаком по столу, что все стоящие там предметы задрожали и подпрыгнули. Увы, я тоже чуть было не подпрыгнул.

– Вот-вот. Именно эти слова мне следовало бы тебе сказать. И я говорю их тебе сейчас, поскольку они девиз нашего учебного заведения, особенно применительно к тебе – изнеженный, испорченный до мозга костей маменькин сынок! Если бы я еще раньше не прочел все это на твоём лице, то обязательно прочел бы здесь, в твоём личном деле, – произнес он, бросив взгляд на лежащую перед ним папку. – Скажи,

тебе хоть что-нибудь известно об умерщвлении плоти?

– Да, известно. Мой лучший друг каждое утро принимает ледяную ванну и делает пробежку в две мили, даже не поев овсянки.

Его глаза заблестели голодным блеском.

– Это наш человек. А нельзя ли его к нам?

– Он уже на пути к тому, чтобы стать доктором.

– Жаль! Какого миссионера я из него сделал бы! Мы здесь специализируемся на подготовке миссионеров, мой дорогой Фицджеральд. За последние двенадцать лет я уже выпустил из этих стен семь миссионеров, трое из которых пролили кровь на Черном континенте.

Алек, этот жаждущий крови парень уже начал меня всерьез тревожить. Он был хуже Джека-потрошителя.

– Но перейдем к делу. Я обязан наказать тебя за столь вопиющее нарушение правил. Ты на две недели лишаешься возможности покидать территорию семинарии. А комната, которую тебе отведут, вряд ли будет похожа на номер в «Рице».

Он стукнул по звонку, установленному на столе. Тут же появился слуга. Потрошитель проинструктировал его. Слуга явно удивился, но взял мой чемодан, и мы, выйдя из главного здания чудесного аббатства, направились в дальний конец бетонного строения. Там я спустился вслед за ним по ступенькам в подвальное помещение и оказался в темной клетушке с малюсеньким окошком, из которого откры-

вался омерзительный вид на уличные туалеты. Да и сама келья, где царил жуткий беспорядок, была до отвращения грязной.

Бросив взгляд на замызганную кровать с продавленным матрасом, я повернулся к парню, все еще держащему в руке мой чемодан.

– Кто занимал эту комнату до меня?

– Студент, которого исключили только вчера.

– За что?

– Думаю, за курение, сеньор, – сказал слуга и, понизив голос, добавил: – Это карцер, сеньор.

С минуту я простоял, не зная, что предпринять. Нет, я решительно не желал здесь оставаться.

– Никуда не уходи! Жди меня здесь и посторожи мой чемодан. Я вернусь.

Похоже, ничего другого он и не ожидал.

Поднявшись по гадким ступеням, я направился напрямиком в кабинет Потрошителя и вошел внутрь.

Он оторвался от бумаг на письменном столе и поднял на меня глаза. Мое возвращение явно не стало для него сюрпризом.

– Да?

– Я не собираюсь жить в этом вонючем склепе. По крайней мере, я имею право на чистое и приличное жилье.

– А что, если я не выполню твои требования?

– В таком случае я отправлюсь отсюда прямо в Толедо,

возьму такси до Мадрида, потом пересяду на поезд до Рима и обо всем расскажу Его Святейшеству.

– Очень хорошо, – мягко ответил он. – Прощай, Десмонд.

Я как стоял, так и остался стоять, кипя от бешенства, а он как ни в чем не бывало снова углубился в изучение бумаг на письменном столе. Тогда я круто развернулся и поплелся обратно в свою келью. Теперь я чувствовал себя уже не маленьким Дэвидом, а одной из тех бутылок, что он успел отмыть только наполовину. Я решительно не мог осуществить свою угрозу, и Потрошитель это прекрасно понимал. Как я буду выглядеть в глазах моей дорогой мамочки, если вернусь к ней в «Риц»? Нет, никогда, никогда! Я должен с честью выйти из положения. Во мне еще осталась какая-никакая сила духа. Слуга по-прежнему стоял рядом с чемоданом. Он знал, что я непременно вернусь.

– Сеньор, эта маленькая комната будет выглядеть лучше, гораздо лучше, если здесь прибраться.

Наши глаза встретились, и я понял его взгляд. И, воздав хвалу Господу за мой хороший испанский – факт, оставшийся неизвестным сидящему у себя в кабинете сукину сыну с садистскими наклонностями, – я спросил:

– Как тебя зовут?

– Мартес, сеньор.

Я достал из бумажника прекрасную новенькую, хрустящую банкноту достоинством пятьдесят песет и помахал ею у него перед носом. Я знал, что пятьдесят песет – для

него целое состояние. Он знал это не хуже моего.

– Мартес, пригласи сюда приятеля, с мылом, ведром воды и подручными средствами для уборки. Достаньте чистое белье, чистые занавески, принесите ковер из другой комнаты. Сделайте так, чтобы тут все сияло и блестело, – и деньги твои.

Он поставил чемодан на пол и пулей выскочил из комнаты. Я дождался, пока он вернулся с другим слугой, которого Мартес представил мне как Хосе. С собой они принесли тряпки, щетки и ведра с водой. Пока я поднимался по лестнице, за моей спиной уже вовсю кипела работа.

Примерно с час я бродил по территории семинарии, и за это время успел обнаружить заброшенные теннисные корты, где оставили свои визитные карточки отбившиеся от стада коровы с соседних ферм, площадку с высокими стенами для игры в пелоту¹⁶ и старое футбольное поле. Я заглянул в старинную церковь в испанском стиле и про себя отметил, что церковь в хорошем состоянии, очень красивая и благостная. Поскольку занятия еще не закончились, я не встретил ни одной живой души.

Наконец я вернулся в свою комнату. Двое слуг уже ждали меня снаружи и с готовностью проводили внутрь. Я был буквально ошеломлен тем, что им удалось сделать. Они оттерли и надраили мою каморку до блеска. На чисто вы-

¹⁶ Пелота – традиционная баскская игра в мяч, прообраз сквоша.

мытом оконце красовались новые льняные занавески, а на выложенном плиткой полу лежал симпатичный испанский коврик. И, как еще один дар из пустующей комнаты наверху, плетеное кресло с мягким сиденьем. Комод, теперь источающий приятный запах пчелиного воска, оказался антикварным, причем подлинным образчиком андалузского стиля. И в довершение всего, кровать починили и застелили свежим белоснежным постельным бельем.

Я бросил признательный взгляд на своих благодетелей, которые смотрели на меня с выжидательной улыбкой.

– Чудесная комната, сеньор. Здесь тихо, спокойно. А летом прохладно.

Я достал бумажник и извлек оттуда еще одну новехонькую банкноту в пятьдесят песет, полученную непосредственно из рук кассира в «Рице». Когда я вручил каждому по заветной бумажке, радости их не было границ.

– Сеньор, мы будем приходить так часто, как только сможем, чтобы здесь все блестело.

– Да будет так, Мартес и Хосе, ведь отныне вы мои друзья.

Когда они вышли, одарив меня напоследок признательными улыбками, я распаковал вещи и разложил их по ящикам, застеленным чистой бумагой, потом поставил на комод две небольшие фотографии, запихнул пустой чемодан под кровать и, с удовольствием оглядев напоследок комнату, вышел во двор, где нос к носу столкнулся со своим врагом.

– Что, пришлось потрудиться, Фицджеральд?

– Не больше, чем обычно, отец мой.

– А ну-ка давай пойдём посмотрим.

И он начал спускаться по лестнице. Из соображений благоразумия я решил за ним не ходить. Наконец, обследовав, вне всякого сомнения, все от и до, выдвинув ящики и потрогав мое нижнее белье, он с широкой улыбкой на губах вернулся ко мне:

– Мои поздравления, Фицджеральд! Ты прекрасно потрудился. Я от тебя такого не ожидал. – И с этими словами он с деланой сердечностью положил мне руку на плечо.

Я выскользнул из его неискренних объятий и посмотрел ему прямо в глаза:

– Вы ведь прекрасно знаете, что я палец о палец не ударил. Так что не старайтесь выставить меня лжецом. Что бы вы там обо мне ни думали, я никогда таковым не был, и вам не удастся заманить меня в эту ловушку.

Он долго молчал, а потом уже своим обычным голосом произнес:

– Неплохо, Фицджеральд. У меня еще есть шанс сделать из тебя миссионера. А теперь настало время нашего вкуснейшего второго завтрака. Пойдем, я покажу тебе трапезную.

Трапезная находилась в дальнем крыле нового здания. Это был большой зал с подиумом у одной стены и по меньшей мере двадцатью длинными узкими столами, располо-

женными чуть пониже, за которыми уже собрались для приема пищи мои будущие товарищи. Указав мне мое место в конце одного из столов, Хакетт уселся между двумя священниками в центре стола на подиуме. Потом была прочитана благодарственная молитва. Пока какой-то парень читал с аналоя отрывки из «Книги мучеников», начали разносить тарелки с едой, а это означало, что я смогу наконец-то поесть.

Увы, блюдо оказалось совершенно безвкусной ольей подридой, состоящей из риса и гороха и плавающих в мерзком вареве кусочков жесткой говядины, которую нужно было рубить топором. Я, давась, впихнул в себя то, что лежало на моей тарелке, поскольку прекрасно понимал, что если не научусь хлебать эти помои, годные только для свиней, то рано или поздно просто-напросто умру с голода. Затем нам подали кислый козий сыр с ломтем хлеба, что на вкус было не так уж плохо, и напоследок по кружке какой-то черной бурды, замаскированной под кофе. В два глотка я выхлебал это пойло, которое хотя бы было горячим.

Между тем я внимательно рассматривал обитателей семинарии, большинство из которых не понравилось мне с первого взгляда. Причем особую неприязнь вызвал у меня сидевший во главе центрального стола здоровенный, уродливый туповатый детина, которого все звали Дафф. Что касается представителей духовенства, то только один, казалось, заметил мое присутствие. Это был похожий на

большого ребенка человек, румяный и седовласый, который непрерывно хмурился и морщился в мою сторону. Когда я поинтересовался у своего соседа, кто бы это мог быть, тот шепотом, поскольку за столом следовало соблюдать тишину, произнес:

– Отец Петтит, учитель музыки.

«Боже мой! – подумал я. – Это последняя капля». А потому, когда все поднялись, возблагодарив Господа, и отец Петтит вдруг принялся делать мне знаки, я быстро поднялся и, смешавшись с толпой, стал поспешно пробираться к своей келье. Я начал писать письмо в отведенный нам час отдыха, а закончил его уже вечером следующего дня, при свете свечи.

И поскольку я не могу подвергать сие послание опасности цензуры кровожадного Хакетта, то собираюсь вручить письмо своему маленькому испанскому другу, чтобы тот отправил его из деревни.

Дорогой Алек, прости меня за сей пространный и вымученный опус. Я просто хотел, чтобы ты знал, как я устроился и что ожидает меня, если я, конечно, выживу, ближайшие четыре года.

Передай мои наилучшие пожелания твоей дорогой мамушке.

Нежно любящий тебя

Десмонд

P. S. Отрубленная рука в кабинете Хакетта, как оказа-

лось, является реликвией. Она хранится в память об одном из выпускников семинарии, молодом священнике, изувеченном, а потом и убитом в Конго; его тело обнаружили бельгийские солдаты, которые и прислали сюда его руку. Так что ставлю Хакетту «отлично» за то, что бережет и почитает святыню.

Глава 2

Какой вывод можно было сделать из этого действительно пространного, сумбурного, но такого характерного для Десмонда письма? Я дал почитать его маме, которая обожала Десмонда и интересовалась его успехами на ниве служения Господу. Но мама только головой покачала:

– Бедный мальчик! Он никогда не сможет этого сделать.

Однако письма, которые затем начали систематически приходить, казалось, опровергали мамино пророчество. Безрадостные, жалобные, освещенные редкими искорками юмора или вспышками ярости против Хакетта, они были столь однообразными и столь недостойными Десмонда, что я их никому не показывал. По сравнению с событиями, ждавшими Десмонда впереди, то был самый унылый период его жизни. На ранних этапах его послушничества у Десмонда был один-единственный друг среди неотесанных парней – юноша с не менее тонкой душевной организацией, чем у него самого, которому здесь дали прозвище Полоумный. Имен-

но с ним Десмонд проводил часы отдыха. Они играли в теннис допотопными ракетками и изношенными мячами на поле, усеянном высохшими на жарком солнце коровьими лепешками. А иногда они молча гуляли по старому аббатству, впитывая в себя красоту и спокойствие сей находящейся в пренебрежении части семинарии. В дождливые дни они прятались в библиотеке, где читали, конечно, не толстые тома «Книги мучеников», коими были заставлены все полки, но гораздо менее безгрешную литературу. Еще они сочиняли вдвоем достаточно грубые лимерики, посвященные Хакетту. Стишки эти, написанные левой рукой, потом разбрасывались в туалетах и в других общественных местах.

За исключением отца Петитта, остальные наставники из числа духовенства особо не жаловали Десмонда, так как он частенько оскорблял их в лучших чувствах, демонстрируя, что знает гораздо больше того, чему они пытались его научить. Но вот отец Петитт, пожилой, розовощекий, довольно застенчивый маленький человечек, который во время первой трапезы морщился и хмурился в сторону Десмонда, с самого начала был расположен к юноше, чей школьный отчет представлял первостепенный интерес для хормейстера, вынужденного блуждать в дебрях окружающего его музыкального невежества. И все же он и не решался предъявлять права на нечто большее. Отец Петитт играл на церковном органе, обучал желающих игре на фортепьяно или на скрипке, набрал в хор нужное количество певчих, способных ис-

полнять церковные гимны, литании и григорианские хоралы, но при этом старательно следил за тем, чтобы песнопения не переросли в заунывный вой. Как отец Петитт попал в семинарию, можно было только гадать, поскольку он был не только не слишком разговорчив, но и болезненно застенчив. Любой заданный в лоб вопрос вгонял его в краску. Он, вне всякого сомнения, был с раннего детства очень музыкален и уже в подростковом возрасте играл в оркестрах центральных графств Англии, причем играл на флейте, что вполне соответствовало его характеру. Как и почему он внезапно решил учиться на священника – тайна, покрытая мраком. Отец Петитт упорно молчал и о том, что заставляло его переключиться из одного прихода, куда он был назначен после рукоположения, в другой. Святой отец был не создан для успеха, даже в деле служения Господу, но его музыкальные знания были всегда при нем, и он счел Божьей благодатью то, что в конце концов оказался в семинарии Святого Симеона. Здесь он был любим всеми, и особенно отцом настоятелем, который явно покровительствовал «маленькому собрату».

Вскоре после их первой встречи отец Петитт все же ненавязчиво завлек Десмонда в музыкальную комнату – усиленное стропилами длинное помещение, расположенное над крытой галереей старого аббатства, подальше от бетонных строений и вообще от всех режущих глаз видов и режущих слух звуков.

– Присаживайся, Десмонд, и позволь мне с тобой побесе-

довать.

Когда они сели на потертый диван возле пианино, маленький священник, страшно волнуясь и тяжело дыша, что не ускользнуло от внимания Десмонда, заговорил:

– Мой дорогой Десмонд, в отчете из школы Святого Игнатия сказано, что, помимо прочих достоинств, ты обладаешь исключительными вокальными данными. Когда я прочел эти строки, то задрожал, не в силах побороть волнение от предвкушения чуда. Но тебе нечего бояться. – Священник ласково положил руку на плечо Десмонда. – Никакие силы в мире не заставят меня бросить тебя на растерзание бесталанному сброду, что воет в церкви и способен исполнять исключительно церковные гимны и простейшие произведения Баха и Гайдна, которые я в него вдолбил. Нет, мой дорогой Десмонд. У меня есть мечта, которую я лелею уже очень давно, – дрожащим голосом произнес отец Петитт. – Возможность, мечта, словом, проект, который я вынашиваю в течение многих потраченных впустую лет. – Он вздохнул и после небольшой паузы сказал: – Но, прежде чем продолжить, я хочу попросить тебя о небольшом одолжении. Не мог бы ты спеть для меня?

Слова «маленького собрата» заинтриговали Десмонда.

– Что вам исполнить, отец мой?

– Ты знаешь «Аве Мария» Шуберта?

– Конечно, отец мой.

– Сложная вещь. – Отец Петитт кивнул в сторону пианино

и спросил: – Хочешь, чтобы я тебе сопровождал?

– Вовсе не обязательно. Благодарю вас, отец мой.

Десмонд любил этот церковный гимн, а потому пел с радостью и наслаждением.

Закончив, он бросил взгляд в сторону отца Петитта. Крошечный человечек сидел, закрыв глаза, его губы шевелились в беззвучной молитве. Наконец он открыл увлажнившиеся глаза и, пригласив юношу сесть рядом, произнес:

– Мой дорогой Десмонд, я благодарил милосердного Господа нашего Иисуса Христа за то, что Он внял моим молитвам, которые я посылал Ему более трех лет. Послушай, что я тебе скажу. Кстати, ты не возражаешь, чтобы я называл тебя Десмонд?

– Мне будет только приятно, отец мой.

С тех пор как Десмонд попал в семинарию, к нему впервые обращались по имени. И в течение десяти минут он, затаив дыхание, внимал откровениям отца Петитта. После того как священник выговорился, в помещении воцарилось долгое молчание. Затем отец Петитт спросил:

– Ну что, Десмонд, согласен попытаться?

– Если вы считаете, что стоит, святой отец.

– Я верю, что это шанс, дарованный тебе Господом, и ты не должен его упустить.

– Тогда я попытаюсь.

И они обменялись рукопожатием.

– Думаю, ты будешь приходить сюда в свободное время

после полудня дважды в неделю, скажем, по вторникам и пятницам, с трех до пяти. Мы будем беседовать и работать, да-да, работать в поте лица, – улыбнулся маленький человек. – А чтобы ты мог отдохнуть, я буду играть тебе Бетховена или кого-нибудь другого. Словом, все, что пожелаешь. Я распоряжусь, чтобы в конце занятий нам приносили легкие закуски. Сегодня я этого не сделал, так как не был уверен, что ты согласишься.

И аскетичная, полная ограничений семинарская жизнь повернулась для Десмонда новой, более привлекательной стороной. У него появились возможность расслабиться, которую он всегда ценил очень высоко, и цель, практически недостижимая, но будоражившая кровь, когда время от времени он представлял себя в роли победителя и тихо шептал, смакуя каждое слово: «Золотой потир».

Итак, занятия по вторникам и пятницам начались и продолжались с завидной регулярностью. При всей любви к пению, у Десмонда никогда не было педагога, он пел, как умел, и техника пения у него, естественно, хромала. Маленький отец Петитт разучивал с ним очень сложные произведения, не уставая его критиковать.

– Десмонд, не тяни последнюю ноту так, будто она тебе настолько нравится, что ты боишься ее отпустить. Пошлый и слишком уж сентиментальный трюк. Повтори этот пассаж, там у тебя было легкое вибрато. Бойся вибрато, как смертного греха. Оно погубило немало хороших теноров. Не нажи-

май на высокие ноты для пушшего эффекта, чтобы они замирали вдали, словно лягушка, из которой выпустили воздух. А теперь, Десмонд, скажи, какую песню ты выберешь для соревнования. Ведь именно от выбора музыкального произведения зависят оценки судей.

На обдумывание у Десмонда ушло меньше минуты.

– Я хотел бы исполнить арию Вальтера «Розовым утром алел белый свет» из «Мейстерзингеров» Вагнера, – сказал Десмонд и, чуть подумав, добавил: – Вагнер не самый мой любимый композитор, но эта песня прекрасна. Она не только вдохновляет, но и уносит ввысь, к вершинам успеха, а это именно то, что нам нужно.

– Да, великолепная ария, – кивнул Петитт. – Но слишком длинная и сложная для исполнения. Ну-с, посмотрим, на что ты способен.

По определенным дням Десмонду петь не позволялось: он просто отдыхал на диване, в то время как «маленький собрат», подложив на табурет подушечку, сидел за пианино и играл те произведения Брамса, Листа, Шуберта и Моцарта, которые Десмонд особенно любил.

Ровно без четверти пять обычно приходил Мартес и приносил с собой что-нибудь такое, что готовилось специально для стола священников. Нередко Мартес приходил пораньше и слушал, стоя за дверью. Отец Петитт доставал откуда-то из буфета чайник и спиртовку и заваривал чай.

Такая нежданно-негаданно свалившаяся на него возмож-

ность отдохнуть от суровых семинарских будней, которая так соответствовала его вкусам и характеру, несомненно, помогла Десмонду не сломаться и не свернуть с пути, предначертанного ему свыше. Десмонд нередко возвращался к этой теме в своих письмах, рассказывая, как потихоньку, шаг за шагом, добился права пользоваться музыкальной комнатой по своему усмотрению и приходить туда всякий раз, когда у него появлялась возможность вырваться из семинарской рутины. Письма он теперь писал, находясь в блаженном уединении, а еще он любил поваляться с полчаса на стареньком диване, чтобы передохнуть перед работой и переварить несъедобный второй завтрак. В ящике под сиденьем высокого табурета, стоящего у пианино, Десмонд обнаружил целую кипу нот произведений немецких композиторов. Он играл и пел отрывки из них до тех пор, пока не научился читать ноты с листа. Десмонд даже выучил наизусть некоторые вещи полегче. Особенно ему пришлись по сердцу две песни Шуберта: «Der Lindenbaum» и «Frühlingstraum», а еще сладкая любовная песня Шумана «Wenn ich in deiner Augen seh». В его репертуаре была и серьезная музыка, например «Der Tod das ist die kühle Nacht» Брамса и, как ни странно, отрывки из оратории Генделя «Мессия», исполняемые на английском языке, особенно берущая за душу ария «А я знаю, Искупитель мой жив».

В один прекрасный день, когда Десмонд, вкладывая в пение всю душу, исполнял свою любимую арию «Народ, хо-

дящий во тьме, увидит свет великий» из «Мессии» Генделя, дверь в комнату неожиданно открылась. Обернувшись, он увидел крупную фигуру грозного Хакетта, почувствовал на своем плече огромную, но вполне дружелюбную руку и услышал не лающий, а непривычно мягкий голос отца настоятеля:

– Это было поистине прекрасно, Фицджеральд. Я, конечно, не специалист, но истинный талант распознать могу. Продолжай, продолжай в том же духе и завоюй во славу нашей семинарии Золотой потир. – И, сделав паузу, отец Хакетт продолжил: – Кстати, не желаешь ли сменить свою комнату на спальню попросторнее на верхнем этаже?

– Благодарю вас, святой отец, но нет. Меня вполне устраивает моя келья.

– Хороший ответ, Фицджеральд. Возможно, я все же сумею сделать из тебя мученика, – улыбнулся, да-да, улыбнулся, Хакетт и вышел из комнаты.

Десмонд, не жалея легких, запел осанну и с грохотом спустился по лестнице. Все, теперь можно не таиться. Он получил официальное одобрение, даже благословение. Музыкальная комната в его полном распоряжении.

После того как Хакетт проявил к нему такую неожиданную доброту, неприязнь Десмонда к бывшему врагу несколько поубавилась. И все же он не мог до конца принять, что при обучении в семинарии основной упор делался на подготовку к миссионерской деятельности, причем именно мис-

сионерство чаще всего становилось темой коротких, но ярких проповедей отца Хакетта.

Одна утренняя воскресная проповедь произвела на Десмонда особенно сильное впечатление. Отец Хакетт начал ненавязчиво восхвалять достоинства и необходимость миссионерского служения во исполнение повеления Христа: «Итак, идите, научите все народы» (Евангелие от Матфея, 28: 19), а также слов святого Павла: «И горе мне, если я не благовествую» (Послание к Коринфянам, 9: 16). Отец настоятель заявил, что Иисус Христос неоднократно подчеркивал евангельскую миссию Церкви, необходимость благовествовать о Христе и нести слово Божье в народ.

– Католическая церковь по сути своей является миссионерской, – вещал Хакетт. – Повинуясь воле Иисуса Христа, необходимо оказывать моральное воздействие на общество для достижения социальной справедливости, строительства школ, больниц, бесплатных амбулаторий для нищих, невежественных и угнетенных.

Затем отец настоятель принялся перечислять великих людей, прославивших себя на ниве миссионерской деятельности, – предмет, наиболее близкий и дорогой его сердцу. Начал он со святого апостола Павла, который нес христианство язычникам, святого апостола Иакова-старшего в Испании, святого апостола Фомы, обращавших в христианство индусов Малабарского берега. А потом перешел к святому Мартину, епископу Турскому во Франции, святому Патрику и

святому Колумбану в Ирландии, святому Августину, ставшему в 597 году первым архиепископом Кентерберийским.

Отец Хакетт сделал особый акцент на деятельности великих миссионеров-иезуитов, рассказав о деятельности миссионера-иезуита итальянца Маттео Риччи, который в начале XVI века добился больших успехов в Китае благодаря глубокому знанию китайского языка и культуры страны. Он подарил императору Ванли механические часы и спинет, тем самым добившись его благосклонности и получив возможность учить и проповедовать. А в Индии иезуит Роберто де Нобили, переняв образ жизни брахманов, превзошел их в аскетизме и обратил в свою веру тысячи и тысячи человек, принадлежащих к высшим слоям общества.

– Но разве можно хотя бы на минуту себе представить, – продолжал Хакетт, – что вся эта грандиозная работа была бы сделана без самопожертвования, величайшего самопожертвования. Так, за один год только в Конго во время исполнения священной миссии было жесточайшим образом умерщвлено сто шесть священников, двадцать четыре брата и тридцать шесть сестер. – Тут отец настоятель сделал паузу и дрогнувшим голосом произнес: – И выпускник нашей семинарии – один из многих миссионеров, которых мы из года в год посылали во все концы света, – благороднейший и достойнейший юноша, отец Стивен Риджуэй, во время выполнения им высокой миссии нести слово Божье в диких и неосвоенных джунглях Верхнего Конго был зверски убит, а потом расчле-

нен. Вы все прекрасно знаете о священной реликвии, обнаруженной бельгийскими солдатами и присланной нам бельгийскими отцами из Кинду. Я говорю о кисти руки этого мужественного и благородного юноши, которая была отрублена одним ударом ножа дикаря и каким-то чудесным образом, повторяю, чудесным образом сохранилась и даже не разложилась, словно до сих пор является живой частью живого тела нашего Стивена. Вы все видели сию реликвию, которую мы выставляем для поклонения во время торжественной мессы в память годовщины принятия Стивеном мученической смерти. Она наша величайшая ценность и будет представлена во всей своей чудесной нетленности, когда я подам прошение о канонизации этого святого юноши, который является гордостью нашей семинарии и служит образцом для подражания, стимулом и побудительным мотивом для каждого из присутствующих здесь. И как возрадуются Небеса и я, смиренный защитник миссионерской жизни, если, помимо этих отважных добрых душ, что уже выбрали сию *via dolorosa*¹⁷, среди вас найдутся другие, которые скажут мне: «Я тоже внял посланию, нет, повелению Господа нашего Иисуса Христа: „Итак, идите, научите все народы“»¹⁸. – И после небольшой паузы отец Хакетт продолжил: – А теперь встанем и споем хором замечательный гимн «Вперед, Христовы воины!»»

¹⁷ Путь скорби (*um.*).

¹⁸ Евангелие от Матфея, 28: 16–20.

Отношение отца Хакетта к послушнику, которого он поначалу так сурово принял, несомненно, улучшилось. И тем не менее Десмонд не мог должным образом ответить на усилия отца настоятеля пойти на сближение. Его постоянно грызла одна мучительная мысль, а потому как-то раз, после очередной страстной проповеди отца настоятеля, придя в музыкальную комнату, он не выдержал и спросил своего наставника:

– Вам не кажется, что заикленность отца Хакетта на миссионерстве выглядит как-то дешево? Если он так уж серьезно относится к данному вопросу, то почему бы ему вместо того, чтобы призывать нас к мученичеству, не попробовать испытать это на себе?

От неожиданности маленький отец Петитт даже выронил ноты, которые держал в руках. Бросив на Десмонда строгий взгляд, он сказал:

– В высшей степени жестокое и неуместное замечание!

– Но разве это не так?

Отец Петитт снова с удивлением сердито посмотрел на Десмонда:

– Неужели ты не знаешь, что отец настоятель посвятил двенадцать лет жизни миссионерской деятельности? Сразу же после рукоположения он отправился в Индию, чтобы работать среди неприкасаемых, представителей низшей и самой презренной касты. Он собственными руками построил амбулаторию, потом – небольшую школу, начал одевать

и учить голодных, оборванных ребятишек, обитавших на самом дне Мадраса. Он донимал своих друзей на родине просьбами выслать денег, чтобы одеть и накормить сырых и убогих детей, научить их катехизису, сделать из них примерных христиан. При этом сам он жил в беднейшем районе города, где холера была, можно сказать, эндемическим заболеванием. И естественно, поскольку он, не щадя живота своего, выхаживал больных, то заразился холерой, но справился со страшным недугом и по состоянию здоровья был отправлен домой. В его отсутствие молодой американский священник продолжил сие доброе дело, а когда отец Хакетт вернулся, то присоединился к нему. Работая рука об руку, они творили чудеса, но тут желтая лихорадка поразила провинцию в глубине страны. Тогда, оставив миссию в Мадрасе на попечение своего товарища, отец Хакетт отправился в очаг эпидемии. В течение шести недель он самоотверженно ухаживал за больными и умирающими, но коварная болезнь не пощадила и его. Он чудом выжил, но настолько ослаб и обессилел, что его отправили на родину, навсегда запретив возвращаться в Индию. И поскольку по состоянию здоровья ему необходимо было жить в теплом климате, он получил эту – относительно легкую – должность в Испании.

Отец Петитт закончил свое повествование, и в комнате воцарилась тишина. Десмонд сидел не шелохнувшись, а на его лице появилось какое-то странное выражение. Неожиданно он резко вскочил на ноги:

– Извините меня, святой отец. Мне надо вас оставить. – И с этими словами Десмонд опрометью выбежал из комнаты.

Возможно, маленький отец Петитт догадался о причине столь внезапного исчезновения Десмонда и предвидел его скорое возвращение. Он подошел к пианино и взял первые аккорды своей любимой «Аве Мария».

Когда Десмонд и в самом деле вернулся, отец Петитт не прекратил играть, но, внимательно посмотрев на своего ученика, лукаво прошептал:

– Ты выглядишь счастливым. Что, очистил душу?

– И получил прощение от священника, достойного быть причисленным к лику святых, – смиренно произнес Десмонд.

Глава 3

Теперь жизнь Десмонда в семинарии текла спокойно и гладко, поскольку его божественный голос служил ему защитой от всех невзгод и напастей. Избалованный в еде, он даже смирился с безвкусной бурдой, которую здесь подавали, поскольку теперь их рацион милосердно разрешили разнообразить фруктами, в основном персиками, из близлежащих садов. У Десмонда сложились на удивление хорошие отношения с отцом настоятелем, который вдруг обнаружил у странного послушника достоинства, доселе остававшиеся скрытыми.

Теперь письма от Десмонда приходили достаточно редко, в них не было прежнего надрыва; скорее, наоборот, каждая строчка дышала надеждой и преданностью, а еще энтузиазмом, который с течением времени только усиливался. Да, это вполне можно было бы назвать энтузиазмом, конечно, с учетом того обстоятельства, что жесткая дисциплина, царящая в семинарии, обуздывала его природную несдержанность.

Во время последующего периода обучения, достаточно продолжительного, но складывающегося весьма благоприятно, Десмонд благополучно прошел различные этапы послушничества, став последовательно иподиаконом и диаконом. И как отрадно было сознавать это его матери, которой не терпелось увидеть своего сына в облачении священника.

Один раз в две-три недели миссис Фицджеральд приглашала нас с мамой на воскресный ланч. Разговор, естественно, в основном крутился вокруг Десмонда. Миссис Фицджеральд была уже совсем плоха и жила исключительно предвкушением великого события, но я сомневался, что ей удастся дотянуть до дня рукоположения Десмонда. Я уже был почти что дипломированным врачом – оставалось сдать последние экзамены, – и симптомы ее заболевания: сердечная недостаточность, нездоровая бледность, одышка, отечность щиколоток – были мне совершенно ясны. Последние сомнения в ее диагнозе развеялись, когда она показала мне рецепт на лекарство, прописанное ей доктором: таблетки дигоксина. Так как теперь я работал врачом-стажером у сэра Джейм-

са Маккензи и жил на полном пансионе при Западном лазарете, то мог снять с маминых хрупких плеч часть денежных забот. Рассчитывая в скором времени компенсировать ей все лишения, я уговорил ее подать в муниципалитет Уинтона прошение об отставке с тем, чтобы она могла наконец уйти с работы, которая столько трудных лет позволяла нам держаться на плаву.

Вот такая спокойная и безмятежная жизнь продолжалась как у меня, так и у Десмонда еще несколько месяцев, пока неожиданно, словно гром среди ясного неба, не пришло письмо со знакомой испанской маркой. Письмо было длинным, написано явно впопыхах, и я, даже не распечатав его, сразу почувствовал недоброе.

Мой дорогой Алек!

Случилось страшное. Я погружен в бездну отчаяния, повергнут в уныние, унижен, оскорблен, втоптан в грязь. Меня чуть было не исключили из семинарии, моя карьера священника поставлена под угрозу, причем все это, повторяю, все, если судить непредвзято и быть до конца откровенным, произошло по моей собственной вине. И только сейчас я могу уже приподнять голову и, взывая к твоему сочувствию, подробно описать обстоятельства дела.

Кажется, в предыдущих письмах я уже упоминал о том, что единственным послаблением в нашем строгом режиме была возможность раз в неделю, по четвергам, ходить после обеда в город, причем без сопровождения наставников,

чтобы купить фрукты или другие дозволенные продукты у многочисленных торговцев, у которых семинаристы были основными покупателями. При этом нам никогда не разрешали отсутствовать больше часа.

Трудно выразить словами, с каким нетерпением мы ждали такой возможности не только ненадолго отдохнуть от суровых семинарских будней, не только прикоснуться к живому биению жизни, но и купить чудесных фруктов всего за пару песет. А что еще интересного, помимо лавок, может быть в типичном маленьком испанском городке с одной-единственной пыльной улочкой, извивающейся между нагретыми солнцем белыми домишками, перед которыми сидят, занимаясь шитьем или сплетничая, одетые во все черное старые женщины? Темные узкие проходы вели в темные маленькие лавчонки, где ввиду близости семинарии продавали также мыло, зубную пасту и зубные щетки, самые простые лекарства, почтовые открытки и даже конфеты. И специально для семинаристов на прилавки выкладывали сезонные фрукты: виноград, апельсины из Малаги и персики.

Персики – это моя слабость. Впрочем, не только моя, но и остальных послушников тоже. А потому у въезда в городок нас всегда встречала молодая женщина, если точнее, девушка, которая, чтобы опередить других торговцев, выходила нам навстречу с большой плоской корзиной на плече, наполненной сочными свежими фруктами. В интересах своего бизнеса она завязала с нами дружеские отношения,

и у нас уже вошло в привычку ненадолго останавливаться, чтобы поболтать с ней, а заодно и попрактиковаться в испанском.

И вот в один злосчастный четверг меня задержал отец Петитт, мой замечательный учитель музыки, которого чрезвычайно взволновало долгожданное известие из Рима насчет предстоящего конкурса. Вот почему я позже других вышел из ворот семинарии, а когда, запыхавшись, присоединился к товарищам, то, к своему немалому огорчению, обнаружил, что персики закончились.

– Ох, дорогая Катерина, ты мне ничего не оставила!

Она покачала головой и улыбнулась, показав чудесные белые зубки:

– Ты опоздал, мой милый маленький священник, а на свидания с дамой опаздывать нельзя!

Мои товарищи и особенно Дафф, костлявый юнец из Абердина, который меня явно недолюбливал, с нескрываемым интересом следили за тем, как мне удастся выпутаться из щекотливой ситуации.

– Я весьма огорчен, так как считал себя твоим любимым покупателем.

– Итак, ты огорчен, по-настоящему огорчен.

– Да, по-настоящему огорчен.

– Тогда улыбнись скорее своей прекрасной улыбкой! – И к моему величайшему изумлению и удовольствию, она достала из-за спины два больших и сочных персика, каких мне еще

не доводилось видеть.

Смешки и гогот вокруг нас немедленно стихли, когда, повесив корзину на плечо, она подошла ко мне, держа в каждой руке по персику.

– Неужто ты хоть на секунду мог подумать, что я способна о тебе забыть? На, бери. Это тебе.

Я полез в карман за деньгами и, к своему ужасу, обнаружил, что карман пуст. Второпях я забыл взять кошелек. Мое огорчение не осталось незамеченным не только для зрителей, но и для Катерины, когда я, запинаясь, промямлил:

– Сожалею, но я не могу заплатить тебе.

Она подошла ко мне совсем близко, продолжая лукаво улыбаться:

– Так у тебя нет денег? Я рада. Тогда ты должен заплатить мне поцелуем.

И она, пока я стоял в растерянности, вложила мне в руки по персику и сжала меня в страстных – здесь двух мнений быть не могло – объятиях, прижалась губами к моему рту, при этом нашептывая мне на ухо:

– Приходи в любой вечер после шести, мой милый маленький попик. Калье де лос Пинас, семнадцать. Для тебя это будет бесплатно.

Когда она наконец разжала объятия и посмотрела на меня блестящими карими глазами все с той же призывной улыбкой на губах, воцарившуюся вокруг гробовую тишину нарушил тощий абердинец:

– Хватит, парни! Все, пошли дальше.

Я последовал за ними в состоянии какой-то странной эйфории. Это сладостное объятие, эти пахнущие персиками руки полностью выбили меня из колеи, лишив самообладания. Плетьясь в хвосте процессии семинаристов, я с трудом привел в порядок находящиеся в полном смятении чувства и вернул себя к жизни только после того, как съел оба восхитительных плода.

Даже на обратном пути в семинарию никто не сказал мне ни слова. Я, будучи без вины виноватым, превратился в парию.

На следующее утро возникшая напряженность как будто ослабла, но в одиннадцать часов я получил приказ явиться в кабинет к отцу настоятелю. Я подчинился, ощущая смутную тревогу в груди, и мое беспокойство еще более усилилось, когда, войдя в комнату, я увидел у окна высокую тощую фигуру Даффа.

– Фицджеральд, против тебя выдвинуто весьма серьезное обвинение, – с места в карьер начал сидевший за письменным столом отец настоятель и, поскольку я упорно молчал, продолжил: – В том, что ты обнимал эту девицу Катерину и, более того, вступил с ней в распутную связь.

Я был настолько ошеломлен, что кровь бросилась мне в голову. Я посмотрел в сторону ангела мщения у окна. Он старательно избегал моего взгляда.

– Кто выдвинул такие обвинения? Слива Дафф?

– Фицджеральд, его зовут Дафф. Он был свидетелем того, как ты обнимал ту девицу Катерину. Ты что, будешь отрицать?

– Целиком и полностью. Это не я, а она обнимала меня.

– И ты не противился?

– У меня не было возможности. В каждой руке у меня было по крупному спелому персику.

– Но ведь именно она дала тебе персики. Причем не потребовав оплаты. Разве такое не подразумевает близкие отношения?

– Она просто веселая девчонка, которая со всеми дружит. Мы все были ее постоянными покупателями, так что в каком-то смысле и остальные были с ней в близких отношениях. Мы все шутили и смеялись вместе с ней.

– Только не я! – донесся замогильный голос со стороны окна. – Я сразу понял, падре, что она шлюха.

– Помолчи, Сл... Дафф! Из всех остальных она выбрала именно тебя и с тобой на самом деле была особенно близка. Причем настолько, что назначила тебе свидание на сегодняшний вечер. И ты сказал: «хорошо».

Я уже был вне себя от ярости.

– Никогда, слышите, никогда я не мог бы позволить себе такое вульгарное и пошлое выражение! Кто посмел меня в этом обвинить?

– У Даффа острый слух.

– Но слишком большие уши.

Проигнорировав мое замечание, отец настоятель снова бросился в атаку:

– Я навел справки. Эта Катерина Менотти, хотя формально и не является проституткой, официально признана *fille de joie*¹⁹.

– Вот-вот, ваше преподобие, и я о том же. Она ему и адрес дала.

– Молчать, ты, неслух шотландский! – То, что Дафф вызывал у отца настоятеля явное раздражение, несколько воодушевило меня, но тут Хакетт продолжил: – Ты отрицаешь, что когда-либо навещал ее по данному адресу?

– Если я уже навещал ее, то с чего бы ей тогда давать мне свой адрес? Ведь в этом случае я наверняка должен был бы его знать.

Отец настоятель вопросительно посмотрел на Даффа, который немедленно выпалил:

– А может, она сказала, чтобы напомнить, если он, паче чаяния, запамятовал!

После такого смелого предположения в комнате стало тихо и повеяло ледяным холодом. Затем отец настоятель нарушил молчание:

– Ты можешь идти, Дафф.

– Уверяю вас, ваше преподобие, что довел это до вашего сведения исключительно из высочайших соображений морали и для сохранения доброго имени нашей школы, а еще по-

¹⁹ Девушка легкого поведения (фр.).

тому, что я нисколько не верю, будто Фицджеральд...

– Немедленно вон, Дафф! В противном случае я буду вынужден наказать тебя, причем с показательной суровостью.

Когда Дафф, трясая головой, все же убрался, отец настоятель долго молчал, задумчиво изучая меня. Наконец он заговорил:

– Фицджеральд, я ни секунды не сомневаюсь, что ты не посещал тот дом и не вступал в плотские отношения с той девицей. В противном случае тебе пришлось бы уже сегодня днем покинуть семинарию. И тем не менее ты дал повод заподозрить тебя в неподобающем поведении, пятнающем позором и бросающем тень на наше учебное заведение. А потому мне необходимо посоветоваться с коллегами относительно того, какой приговор тебе вынести. А пока – вне зависимости от того, покидаешь ты семинарию или нет, – я хочу дать тебе хороший совет. Ты, бесспорно, обладаешь необычайной притягательностью для противоположного пола. Так что будь начеку и опасайся любого рода заигрываний. Старайся контролировать свои эмоции. Веди себя отстраненно, сдержанно, сохраняй хладнокровие, чтобы суметь распознать опасность уже в зародыше и тотчас же устранить ее. Если послушаешь меня, то избежишь многих печалей и многих бедствий. А теперь можешь идти. О своей участи ты узнаешь завтра днем. Ступай в церковь и молись о том, чтобы мне не пришлось исключить тебя.

Я молча кивнул и, покинув кабинет отца настоятеля, направился прямо в церковь, где принялся истово молиться. Я прекрасно знал, каким суровым способен быть Хакетт, ведь всего несколько месяцев назад он исключил молодого послушника лишь за то, что юноша затянулся окурком сигары. Будучи уже единожды предупрежден, послушник нарушил приказ. И этого оказалось достаточно.

На следующий день я мучился неизвестностью до самого вечера. Наконец в пять часов ко мне подошел наш добрейший хормейстер отец Петитт и обнял меня за плечи:

– Меня делегировали сообщить тебе, Десмонд, что тебя оставляют. Тебе запрещено покидать пределы семинарии до конца семестра, но, хвала Господу, ты спасен не только для священства, но, – улыбнулся отец Петитт, – и для предстоящего нам в следующем месяце набега на Рим. – И, остановив взмахом руки поток моих благодарностей, он продолжил: – Да, ты можешь быть мне благодарен. Думаю, мне удалось перевесить чашу весов в твою пользу. Такой голос, как у тебя, встречается только раз в сто лет, и то не всегда.

Итак, мой дорогой Алек, ты получил почти стенографический отчет о тяжелых испытаниях и горестях, выпавших на долю твоего нежно любящего тебя друга. С нетерпением жду весточки от тебя. Пиши мне сразу, как узнаешь результаты своих выпускных экзаменов. Ты, наверное, не знаешь, но я часто представляю себе, как ты усердно трудишься в

своей маленькой пустой комнате. А я в свою очередь обязуюсь подробно, ничего не скрывая, доложить о предполагаемой поездке в Рим.

Искренне преданный тебе

Десмонд

Глава 4

Итак, сдав экзамен на бакалавра в области медицины и бакалавра в области хирургии, я принял на себя обязанности временного заместителя партнера, уехавшего на неопределенное время доктора Кинлоха, пожилого и всеми уважаемого врача общей практики в Уинтоне. И хотя я стремился совсем к другому и вовсе не собирался останавливаться на степени бакалавра, эта временная должность дала мне возможность оставаться рядом с мамой, а мой гонорар в сорок фунтов позволил ей бросить работу в трущобах и скинуть с плеч тяжкий груз, который она безропотно несла столько лет.

В следующий раз я заехал к миссис Фицджеральд уже не в качестве гостя, а для выполнения своих профессиональных обязанностей. Я был серьезно обеспокоен резким ухудшением состояния ее здоровья, и когда она позволила себя осмотреть, то сомнений в диагнозе у меня уже не оставалось. Острый стеноз митрального клапана, с частичной закупоркой коронарной артерии. Я уговорил миссис Фицджеральд

пригласить для консультации доктора Кинлоха. Доктор подтвердил первоначальный диагноз, и хотя, выписывая назначения, он старался всячески ободрить пациентку, его прогноз оказался еще более мрачным: она должна соблюдать постельный режим до тех пор, пока не пройдут отеки. Но когда мы возвращались домой в его маленьком кабриолете, доктор Кинлох сказал:

– С таким сердцем она может уйти в любую минуту.

Мечтой всей ее жизни было увидеть своего возлюбленного сына рукоположенным в сан служителя Божьего. И вот сейчас надо было сообщить миссис Фицджеральд, что в ее теперешнем состоянии ей просто не доехать до Рима. Я был не в силах нанести ей столь сокрушительный удар, и моя мама, которая благодаря появившемуся у нее свободному времени могла навещать свою подругу каждый день, а кроме того, обладала изрядной толикой житейской мудрости, уговорила меня хотя бы месяц повременить с дурными вестями.

И вот случилось так, что мать Десмонда, однажды вечером легла спать, рисуя в голове яркие картины блестящего будущего сына, заснула и уж более не проснулась, а следовательно, не столкнулась с ужасной действительностью, полной отчаяния и разочарования. Она ушла из жизни с миром и не чувствуя боли.

Десмонд, которого немедленно известили телеграммой, приехал за день до похорон. Он был печален, но вел себя сдержанно, без аффектированных проявлений скорби, кото-

рых можно было от него ожидать. Я заметил, насколько он изменился. Пять лет учебы в семинарии не прошли для него бесследно, научив хладнокровию и выдержке. Моя мама резюмировала это следующим образом: «Десмонд наконец повзрослел».

Даже стоя у края свежерытой могилы, он держался очень хорошо, хотя по его щекам все же текли слезы, и слезы горькие. Поскольку из семинарии его отпустили всего на три дня, сразу же после похорон он встретился с адвокатом. Ежегодная рента прекратила свое существование одновременно с миссис Фицджеральд, которая, однако, сумела сберечь для Десмонда более трех тысяч фунтов. Кроме того, он должен был получить деньги от переуступки прав на аренду дома. Многие вещи из ее прекрасного гардероба, включая меховое пальто и новенький с иголки костюм, несомненно предназначавшиеся для церемонии рукоположения, она завещала моей маме, как и некоторые наиболее ценные предметы обстановки, – драгоценные дары, вызвавшие слезы на глазах у их получательницы. И хотя лично я ни на что не рассчитывал, миссис Фицджеральд завещала мне сто фунтов.

Поезд Десмонда отходил только в полночь, а потому сразу после вечернего приема больных я пришел к своему старому другу, и мы молча сидели в притихшем доме, чувствуя такую близость, будто и не расставались вовсе.

И вполне естественно, что Десмонд снова заговорил о матери, хотя в конце разговора не смог удержаться от того, что-

бы не изречь банальной истины:

– Скажи, разве не удивительно, сколько хорошего может сделать мужчине хорошая женщина?

– И сколько плохого, причем очень плохого тоже. Оглянись, кругом полным-полно таких.

– Алек, ты у нас реалист, – улыбнулся Десмонд. – Степень ты уже получил. Что собираешься делать теперь?

Я объяснил ему, что это всего лишь первая ступень и я собираюсь писать докторскую диссертацию, а потом попытаюсь получить звание члена Королевского колледжа врачей.

– Впрочем, задачка не каждому по зубам. Дело чрезвычайно непростое.

– Алек, ты непременно справишься.

– Десмонд, а как ты представляешь себе свое будущее?

– Не так ясно, как твое. Буквально через несколько недель меня посвятят в духовный сан, а поскольку начальство не всегда было мной довольно, то у меня нехорошее предчувствие, что в наказание мне дадут самый захудалый приход, скорее всего, в Ирландии, где я родился.

– Но тебя подобная перспектива не устраивает.

– Не устраивает, хотя это может пойти мне на пользу. Мои взгляды немало изменились, в частности, благодаря трогательной заботе добрейшего отца Хакетта. – И, поймав мой удивленный взгляд, он продолжил: – Алек, этот Хакетт – чрезвычайно странный парень. Ведь поначалу я всеми печенками его ненавидел, а он в свою очередь всячески демон-

стрировал мне свою неприязнь. Я считал его грубияном и садистом. Но на самом деле он просто фанатик. Он одержим идеей миссионерства. Он хотел бы вместе с выпускниками возглавляемой им семинарии нести слово Божье дикарям. Я считал его помешанным. Но теперь уже нет. Он напоминает мне одного из апостолов – возможно, Павла. И теперь я люблю и уважаю его. На самом деле он меня покори́л.

– Ты что, видишь себя вторым святым Патриком?

– Не смейся, Алек! – вспыхнул Десмонд. – Нам не дано знать, что ждет нас впереди. Ведь и ты можешь ни с того ни с сего бросить медицину и сделаться писателем. А я в один прекрасный день могу отойти в мир иной где-нибудь в тропических джунглях. – При этих словах я не выдержал и громко расхохотался, а Десмонд тут же ко мне присоединился, но потом, снова став серьезным, продолжил: – Так или иначе, теперь я понимаю и уважаю Хакетта и хочу отплатить ему добром за добро. В Риме должен состояться конкурс под эгидой Римского музыкального общества при поддержке Ватикана с участием молодых, недавно рукоположенных священников или послушников, которых должны посвятить в духовный сан. Основная идея конкурса – поощрять использование вокальных данных во время пения мессы, литании и так далее. Воистину благородная идея и название носит не менее благородное – Золотой потир. И отец Хакетт хочет, чтобы я поборо́лся за приз. – И после непродолжительной паузы Десмонд добавил: – Мы ведь совсем небольшая семи-

нария в Торрихосе, причем страдающая комплексом неполноценности и значительно менее известная, чем наша соперница в Вальядолиде. Какой душевный подъем это даст и какую известность позволит приобрести, если нам, конечно, удастся выставить приз – Золотой потир – в центральном окне.

– И когда состоится сие счастливое событие?

– В следующем июне. Так что сначала придется подсчитывать очки соперников, а Италия богата на молодых теноров, выступающих на сцене перед группой экспертов из мирян и священнослужителей, а затем – изливать душу в песне перед публикой в зале.

– Десмонд, ты обязательно победишь, причем легко. Давай поспорим!

– Если учесть, что меня вот-вот должны рукоположить, я не имею права жертвовать медяки в пользу очень славного, но хитрого шотландца, – улыбнулся Десмонд и посмотрел на часы. – А теперь, боюсь, нам пора. Давай пройдемся пешком до Центрального вокзала.

Когда мы в последний раз обошли дом, Десмонд поднял чемодан и, грустно потоптавшись на пороге, закрыл дверь на замок со словами:

– Это замок Чабба. У агента есть ключ. – По дороге на вокзал он взял меня под руку. – Алек, извини, что задержал тебя допоздна.

– Я привык работать допоздна, даже далеко за полночь.

Позволь, я возьму твой чемодан.

Но Десмонд только головой покачал:

– Нет, сейчас я сам должен нести свою ношу. Послушай, Алек, можно задать тебе медицинский вопрос?

– Конечно. – Я был заинтригован, но никак не ожидал услышать такого.

– Только не удивляйся и ответь мне серьезно. Скажи, если человеческую руку отсечь в области запястья, она рано или поздно разложится?

– Несомненно. Через неделю она начнет невыносимо вонять, разлагаться, размягчаться и, наконец, гнить, затем кости пясти отделятся от запястья и со временем распадутся на отдельные фрагменты.

– Спасибо, Алек. Большое тебе спасибо.

Больше за всю дорогу мы не проронили ни слова и очень скоро оказались на Центральном вокзале. Я проводил его до купе третьего класса.

– Не стоит ждать отправления поезда, дорогой Алек. Ненавижу долгие проводы. Кроме того, я знаю, более того, абсолютно уверен, что в один прекрасный день мы с тобой снова будем вместе.

Мы обменялись рукопожатием, я резко повернулся и быстрым шагом зашагал прочь. Я надеялся, что он прав и в один прекрасный день наши пути снова пересекутся. А еще я надеялся, что последний трамвай до Вестерн-роуд еще не ушел.

Шесть недель спустя Десмонда посвятили в духовный сан и, оправдав его самые дурные предчувствия, официально уведомили его, что ему надлежит отправиться в церковь Святой Терезы в сельском приходе Килбаррак, на юге Ирландии. Но еще до того произошло много важных событий. Хотя об этом теперь расскажет уже сам Десмонд.

Глава 5

В утро нашего отъезда отец настоятель пришел в мою келью, чтобы лично разбудить меня на час раньше обычного. Я оделся, а он стоял и смотрел, как я поспешно укладываю чемодан; потом мы вдвоем отправились в церковь, где нас ждал маленький отец Петитт. Они с отцом Хакеттом уже успели прочесть мессу и, сидя на передней скамье, ждали, пока я молился, и, можешь не сомневаться, я не преминул попросить Небеса, чтобы мои дерзания увенчались успехом.

Когда я закончил, отец Хакетт взял меня за руку и отвел в свой кабинет, куда Мартес уже принес кофейник горячего кофе, а не той бурды, что нам обычно подавали на второй завтрак, и свежие теплые булочки. Настоятель молча смотрел, как я уминаю свой завтрак, но от предложенного мной кофе отказался.

Когда Мартес наконец ушел, он сказал:

– Я заказал для вас машину до Мадрида.

– Благодарю вас, отец. Местный поезд просто ужасный.

– Это вовсе не ужасный поезд. А наоборот, весьма полезный для фермеров и крестьян. Так они отвозят свою продукцию на рынки Мадрида. Хотя, конечно, он тащится как черепаха и вечно опаздывает. И все же машина, хотя и не «испано-сюиза», есть машина.

– Вы абсолютно правы, отец, – ответил я. – Я опять вел себя бестактно.

– Не больше, чем обычно, отец Десмонд. И даже меньше, чем обычно. По правде говоря, хотя ты и далек от совершенства, но уже на пути к исправлению. Мне пришлось здорово с тобой повозиться, а потому в награду за мои мучения, – он пристально посмотрел на меня, – я хочу, чтобы ты завоевал Золотой потир для нашей семинарии. По существу, это пустая безделушка, ничего не стоящий трофей, но тем не менее он поможет повысить престиж, даже не твой, что в общем не так уж и важно, а нашей семинарии. – Он встал и направился к скамеечке для молитвы; я пошел следом. – Я собираюсь оказать тебе особую милость. Преклони колена, возьми эту священную реликвию и помолись за успех наших начинаний.

Я встал на колени и, уверяю тебя, с глубочайшим почтением взял чудесную длань, такую гладкую, с такой мягкой кожей, что казалось, будто она живая. Я нежно сжал ее, и мне почудилось, что пальцы ответили нежным трепетным пожатием; они прикоснулись ко мне, словно не желая отпускать и тем самым нарушать тот контакт с жизнью, которая некогда

билась в этой руке и теперь вспоминалась с тихой радостью. И вот так, сжимая священную реликвию, я истово молился, причем не за свой немедленный успех, но за хорошую жизнь и счастливую смерть.

– Ну? – поинтересовался отец Хакетт, когда я встал с колен.

– Произошло чудо. Я почувствовал в этих пальцах благодать Божью. Я словно прикоснулся к Небесам.

– Скажи это своему другу-доктору, который твердит о разлагающейся плоти и гниющих костях. А теперь пошли, тебе пора ехать.

Во дворе нас уже ждал автомобиль, маленький, но вполне надежный, а возле него рядом с вещами – моим чемоданом и его матерчатой дорожной сумкой – стоял отец Петитт. Мы уже сидели в машине – вещи сложены в багажнике – и вот-вот должны были тронуться с места, когда я увидел, что отец Хакетт, глядя нам вслед, размашистым движением руки осенил нас крестным знаменем. Поначалу я ненавидел этого истово преданного своему делу человека. Теперь же, несмотря на то что он не допускал ни малейших проявлений нежной привязанности, искренне преклонялся перед ним.

Примерно через час мы оказались в Мадриде, а оттуда сразу же направились в Рим. Всю дорогу отец Петитт демонстрировал почти материнскую заботу обо мне: требовал тишины и не давал открывать окно, чтобы, Боже упаси, меня не продуло на сквозняке, словно я был только что вылупив-

шимся цыпленком. Однако на вокзале в Риме его уверенность мгновенно улетучилась, и он с облегчением позволил мне нанять носильщика, который дотащил наш багаж до такси, доставившего нас до отеля «Релиджьозо», в котором отец настоятель забронировал нам номер.

Увы, «Релиджьозо» меня сильно разочаровал. Возможно, благочестие здесь и приветствовалось, но на этом все достоинства отеля заканчивались. У меня внутри все оборвалось, когда я увидел пустой холл с покрытым линолеумом полом, а вместо лифта – крутую лестницу без ковров и, наконец, две убогие каморки с видом на железнодорожные пути с маневренными поездами, скрипящими, пыхтящими и выпускающими прямо нам в окна клубы вонючего дыма и пара. Если учесть, что до конкурса оставалось полных четыре дня, готовиться к предстоящим свершениям в подобных условиях было просто-напросто невозможно! А я так надеялся на расслабленную, приятную атмосферу единения с любимым городом!

Я посмотрел на крошечного отца Петитта. Казалось, окружающая обстановка его абсолютно не волновала, я же был повергнут в уныние, а когда на второй завтрак нам подали поленту, поставив тарелки прямо на засиженный мухами стол без скатерти, моя меланхолия только усилилась и продолжалась до тех пор, пока на город не опустилась ночная тень.

А потом, Алек, Господь услышал мою невысказанную

мольбу. И пока мы с отцом Петиттом сидели, уставившись друг на друга, в помещении, которое я назвал бы комнатой для переговоров, к нам рысцой прискакал до смерти перепуганный юнец в плохо сидящей на нем униформе портье.

– Сэр, там какая-то дама, в машине на улице, спрашивает вас.

Я тут же кинулся к дверям, а оттуда тоже рысцой побежал на улицу и там – да-да, Алек, – увидел большую новенькую «испано-сюизу», где сидела моя подруга маркиза. О нашем приезде она узнала из вечерней газеты «Паэзе сера ди Рома» и приступила к немедленным действиям.

– Быстро собирайся, поехали, Десмонд! Ты больше ни минуты не должен оставаться в этом клоповнике. Сюда даже заходить страшно. Мы поедem ко мне.

– Мадам, со мной мой друг. Священник. Он вам не будет мешать.

– Конечно, давай возьмем и твоего друга. Я приглашаю вас обоих.

Нет нужды говорить, что мы не стали отказываться и, в мгновение ока собрав пожитки, уже были в машине, причем я сел вместе с мадам на заднее сиденье. Отец Петитт, так и не оправившийся от изумления, сидел впереди, рядом с шофером, который вез нас навстречу красивой жизни, а бедный молодой портье, ошеломленный чаевыми, которые я опрометчиво сунул ему в руку, с открытым ртом смотрел нам вслед.

Мы прибыли на виллу Пенсероза уже в начале одиннадцатого – время обеда давно закончилось, и, хотя нам настойчиво предлагали перекусить, я решительно отказался.

– Мадам, с тех пор как мы стали постояльцами «Релиджозо», нас так закормили полентой, что сейчас единственное, в чем мы действительно нуждаемся, – это возможность хорошенько выспаться.

– И вы ее получите. – Маркиза что-то сказала ожидающей приказаний горничной. – А так как вы явно очень устали, то хочу попрощаться с вами до утра. *Buona notte.*

Наши смежные комнаты, с роскошной ванной между ними, были само совершенство. У меня на кровати даже лежала шелковая пижама. Поскольку отец Петитт не привык принимать на ночь ванну, я позволил себе полчаса понежиться в горячей мыльной воде, потом насухо вытерся турецким полотенцем, натянул подаренную мне пижаму, после чего ощущение нереальности происходящего еще больше усилилось, лег в постель и заснул как убитый.

На следующее утро нас разбудили, причем довольно поздно, подав нам завтрак в постель: большой кофейник дымящегося свежесваренного кофе и прикрытую салфеткой корзиночку с подогретыми римскими булочками, которые представляли собой улучшенную разновидность французских круассанов. Одевшись, я спустился вниз и нашел нашу хозяйку в будуаре, служившем ей мастерской, где она занималась шитьем для благотворительных целей.

– Доброе утро, мой дорогой преподобный Десмонд. Судя по твоим блестящим волосам, выпался ты на славу. Твой друг уже уютно устроился в библиотеке с книжкой в руках. Так что сейчас ты принадлежишь только мне.

Она стояла, улыбаясь, в безжалостных лучах утреннего света и явно не испытывала ни малейшего неудобства. Конечно, за прошедшее время она постарела, ее волосы словно покрылись серебром, но ясные глаза по-прежнему светились живым умом. Должно быть, в молодости маркиза была просто неотразима. Даже сейчас она выглядела прелестно.

– Однако, – продолжила маркиза, – как бы хорошо ты ни выглядел... Скажи, где, ну где ты откопал такие брюки?

– Мадам, эти брюки, которым всего три года, – шедевр портновского искусства лучшего мастера из Торрихоса.

– Они поистине уникальны. А пиджак?

– Этот пиджак, мадам, хотя и весьма почтенного возраста, на самом деле предмет религиозного культа, поелику был перешит вышеупомянутым портным из старого пиджака его высокопреподобия отца Хакетта.

– Да уж, действительно реликвия. Пойдем, посмотришь на себя в зеркало. – Она открыла дверь в гардеробную с большой зеркальной пилястрой.

Я давным-давно не смотрелся в зеркало, и если лицо было еще ничего, то все, что ниже, больше подходило старому дряхлому бродяге.

– Да, мадам... – задумчиво произнес я. – Если меня

немного почистить и погладить, я буду совсем как новенький.

– Десмонд, ты неисправим! – весело рассмеялась она. – Послушай, до субботы тебе надо отдыхать и ни о чем не думать, но сейчас мы пойдем с тобой к моему другу Караччини.

– К священнику?

– Нет, к лучшему портному во всей Италии. Не волнуйся за своего друга. Ему очень хорошо в библиотеке.

Мы сели в красивый большой автомобиль с откидным верхом, но не в «испано-сюизу», как я ожидал, а в новенький «изотта-фраскини», и покатали по Виа Венето в сторону отеля «Эксельсиор», повернули налево и остановились перед абсолютно пустой витриной, где значилось только одно слово: «Караччини».

Когда мы вошли, маркизу почтительно приветствовал проворный маленький человечек в безукоризненном темно-сером костюме. Они стали подробно обсуждать, что мне лучше подойдет в моем положении, затем были проинспектированы, ощупаны и отобраны кипы тканей. Меня провели в просторную примерочную, где подмастерье в нарукавниках обмерил меня с головы до ног.

– Надеюсь, вы поняли, Караччини, что все должно быть готово и доставлено ко мне домой не позднее вечера пятницы.

– Мадам маркиза, вы ставите нереальные задачи, но для

вас, – низко поклонился Караччини, – все будет сделано в срок.

Но на этом дело не закончилось, поскольку мадам хотелось развлечься – именно так она охарактеризовала свою благотворительную акцию. Меня отвели к расположившемуся по соседству галантерейщику, естественно, самому лучшему. Здесь моя любезная маркиза совсем разошлась, и в результате нам подобрали полный набор элегантных и дорогих аксессуаров, отложив их для немедленной доставки. И наконец, на той же улице мы заглянули к сапожнику, шьющему обувь на заказ. Здесь мои конечности тщательно измерили, после чего была отобрана кожа двух видов – светлая и чуть потемнее, – причем доставка обеих пар назначена все на ту же пятницу. Вероятно, кто-нибудь спросит: как такую сложную работу можно сделать за столь короткий срок? Ответ очень прост: Рим – это город мастеров и, конечно, мастериц, причем все они сидят в маленьких комнатुшках в разных концах города и выполняют срочный заказ, трудясь иногда ночь напролет, чтобы успеть закончить его к утру. Кто-нибудь может подумать, что такая тонкая работа щедро вознаграждается. Увы, это далеко не так.

– А теперь – легкий ланч, – сказала маркиза, когда мы вышли от сапожника. – И потом – домой, отдыхать, отдыхать, отдыхать до субботы.

Маркиза повела меня в отель «Эксельсиор». Мы расположились в баре, и она предложила заказать херес и сэндвич с

пармской ветчиной. Машина ждала нас у входа. И уже очень скоро мы катили назад, к вилле Пенсероза. Когда я попытался поблагодарить мадам, та ответила, что даже слышать ничего не желает.

– Успокойся, мой дорогой Десмонд. Ты ведь знаешь, что я любила твою маму и очень огорчилась, узнав о ее кончине, – сказала маркиза и добавила: – Ты прекрасно знаешь, что и тебя, мой дорогой мальчик, я тоже очень люблю. – Когда мы вошли в дом, она прошептала: – Интересно, а чем занимался в наше отсутствие твой друг?

Взяв меня за руку, она направилась в библиотеку, где мы действительно обнаружили преподобного отца Петитта, который сидел в том же кресле, с той же книгой на коленях, открытой на той же странице; из полуоткрытого в блаженной улыбке рта доносились ритмичные музыкальные трели.

– Он как сидел, так и сидит. Ни на миллиметр не сдвинулся.

– О да, мадам, – отозвалась впустившая нас горничная. – Он хорошо покушал и выпил бутылочку фраскати.

– Он такой милый, когда спит, – заметила мадам. – Похож на большого ребенка.

– Он очень многому меня научил, – сказал я. – И если в субботу нам хоть чуточку повезет, то исключительно благодаря ему.

– Как это благородно с твоей стороны, дорогой преподобный Десмонд. А теперь отправляйся к себе и отдыхай. С этой

минуты только отдых, отдых и еще раз отдых и больше ни слова. А ты знаешь, что Энрико между выступлениями вообще не разговаривал?

– Но я не Карузо, мадам.

– Это мы узнаем в субботу, – улыбнулась она. – А теперь мне тоже пора отдохнуть. Что-то я притомилась. Как ты, наверное, заметил, я уже очень немолода.

– Умоляю, не произносите таких отвратительных слов. Мадам, как и прежде, великодушна, очаровательна и обворожительна. И вообще, вы просто ангел. По крайней мере, по отношению ко мне.

Она с легкой улыбкой покачала головой и проводила меня наверх, где мы и разошлись по своим комнатам.

Глава 6

В субботу рассвет был настолько прекрасным, что Десмонд, всю ночь ворочавшийся с боку на бок, поднял жалюзи, чтобы впустить в комнату солнечные лучи. Потом он забрался обратно в постель и минут десять лежал, обдумывая планы на день. Десмонд, конечно, нервничал, так как очень хотел завоевать Золотой потир, причем даже не для себя лично, а скорее, чтобы доставить удовольствие отцу Хакетту и, конечно, отплатить добром за добро ему, маркизе, но особенно маленькому отцу Петитту. Позже он признался мне, что мысленно постоянно возвращался к тому злопо-

лучному финальному матчу за Щит шотландских школ, который я так жаждал выиграть, но, увы, не смог.

Стук в дверь нарушил ход мыслей Десмонда. В комнату вошел его маленький приятель, уже успевший одеться и помолиться.

– Как спалось? – поинтересовался Десмонд.

– Хорошо. А тебе?

– Отлично! – с наигранной жизнерадостностью воскликнул Десмонд, чтобы его ответ звучал правдоподобнее.

– Прекрасный день сегодня.

– Исключительный.

– Когда будешь готов, спускайся вниз. Я там тебе все приготовил.

В цокольном этаже была устроена маленькая часовня, где они теперь каждый день молились.

– Все, спускаюсь прямо сейчас.

– Хорошо!

Десмонд не стал бриться, а быстренько натянул старый костюм и спустился вниз, чтобы присоединиться к отцу Петитту в часовне в виде грота из неотесанного камня, с простым алтарем, распятием, статуей Девы Марии, двумя скамеечками для молитвы, словом, в типичном для богатых итальянских домов месте для молитв и отправления треб. Отец Петитт со свойственной ему предусмотрительностью захватил все необходимое из семинарии.

Десмонд читал мессу, отец Петитт помогал ему за причет-

ника, и можно было предположить, что их молитвы – и молодого священника и того, что постарше, – были заряжены одним общим горячим желанием. Десмонд прочел благодарственную молитву, и они поднялись наверх, где их уже ждал сытный английский завтрак: яйца с беконом, джем и тосты.

Пожилая служанка, подававшая завтрак, шепнула Десмонду:

– Мадам маркиза просила передать, чтобы вы позавтракали поплотнее. Ланч будет совсем легким.

– Так мы и сделаем, – улыбнулся Десмонд. – А что, мадам маркиза не спустится к завтраку?

– Она редко спускается раньше десяти.

Этот ответ напомнил Десмонду, что, несмотря на всю свою живость, обаяние и неустанную заботу о нем, Десмонде, его покровительница – дама уже в возрасте, если не сказать пожилая. Он понял, что должен во что бы то ни стало победить, хотя бы для того, чтобы наградить ее за безмерную доброту.

Позавтракав – в отличие от своего старшего товарища, Десмонд ел с отменным аппетитом, – они прошли в библиотеку.

– Нет ничего хуже, чем быть в подвешенном состоянии, – заметил Десмонд. – Словно висишь над обрывом на тонкой веревке. Полагаю, мне нельзя выйти из дому?

– Это абсолютно исключено. И ты должен меньше говорить.

– Боже, благослови Карузо! Если бы я только мог петь, как он!

– Обязательно сможешь, если будешь помнить все, чему я тебя учил. Успокойся и стой на одном месте. Большинство этих молодых итальянцев будут порхать по сцене, прижав руку к сердцу. А теперь послушай меня. Пока вы с маркизой ездили за покупками, я навел кое-какие справки. Что ты собираешься петь после обязательной программы?

– Как мы и договаривались. «Розовым утром алел белый свет» из «Мейстерзингеров». В переводе на итальянский.

– Нет-нет. Послушай меня. Кардинал от папской курии в судейской комиссии, очень-очень важный человек, немецкий кардинал. А потому ты должен петь Вагнера по-немецки.

– Так мне даже больше нравится. А зал большой?

– Очень большой, с широким балконом первого яруса. Зал будет битком набит. Ни одного свободного места. Акустика исключительная. Судьи будут сидеть на сцене, причем жюри будет состоять из самых важных и сведущих людей, профессоров музыки, членов папской курии, включая кардинала, а также членов Музыкального общества. Я попросил разрешения посадить нашу маркизу вместе с жюри, но получил твердый отказ. Поскольку это может быть расценено как протекционизм и настроить против тебя судей.

– Охотно верю. И где ж тогда будет сидеть маркиза?

– Все участники конкурса – их число будет уменьшено до

двадцати – займут передний ряд. А ряд за ними, отгороженный от зала шнуром, отведен для почетных гостей, включая нашу добрейшую хозяйку.

– Прекрасно! Полагаю, на сцену поднимаются по ступенькам?

– Именно так. Кандидаты по очереди поднимаются на сцену, исполняют две вещи из обязательной программы и получают свои оценки. После подсчета очков десять человек выбывают.

– И могут отправляться домой, бедняги!

– Да, они выбывают из числа участников конкурса. Оставшимся участникам предлагается исполнить очень сложное музыкальное произведение, им ставят оценки, потом подсчитывают очки. Шесть человек, получивших наименьшее количество очков, выбывают. Потом оставшимся четверем предлагается еще более сложный отрывок, после чего двое выбывают, а двое остаются. Эти двое уже могут выбрать произведение по собственному желанию. Их исполнительское мастерство будет оценено судьями, после чего один уедет ни с чем, а другой – с призом.

– Довольно жестокая процедура.

– Но в высшей степени справедливая, дорогой Десмонд. Для того чтобы кто-то один мог победить, все остальные должны проиграть. И, кроме того, какая возможность переживать и наслаждаться музыкой для *aficionados*!²⁰ И можешь

²⁰ Любитель, знаток, истинный ценитель искусства (*исп.*).

мне поверить, таких поклонников музыки, готовых аплодировать, очень и очень много.

– Или освистать, – бросив взгляд на часы, заметил Десмонд. – Еще только десять часов. Еще два часа мучительного ожидания.

Он вскочил с места и стал бродить по комнате, разглядывая книги на полках. И вот на нижней полке, отведенной под издания меньшего формата и более личного характера, он вдруг увидел зеленую книжечку, озаглавленную «Геральдика Ирландии». Десмонд взял книгу, открыл и стал перелистывать, пока не дошел до форзаца, а там под хорошо знакомым экслибрисом своего отца он увидел сделанную чернилами, теперь уже выцветшими, надпись:

Моей драгоценной Маргарите, в знак моей нежнейшей привязанности и глубочайшего уважения.

Дермот Фицджеральд

Десмонд застыл, не в силах пошевелиться. Его вдруг захлестнула волна чувств: внезапного озарения и запоздалого осознания. Теперь он понял причины доброты, щедро расточаемой ему в этом доме. А еще он заметил, что книгу много раз перечитывали. Он осторожно поставил томик на место так, чтобы от других книг его отделяла какая-то доля дюйма, и направился к двери.

– Идешь переодеваться? – поинтересовался отец Петитт.

– Да, уже пора.

Десмонд медленно поднялся по лестнице. Открыв дверь в

свою комнату, он вдруг заметил идущую ему навстречу маркизу, которая выглядела посвежевшей, отдохнувшей и очень элегантной в costume из темного итальянского шелка.

– Добрый день, мой дорогой Десмонд.

Он не ответил, а молча взял ее руку и, глядя ей прямо в глаза, стал нежно целовать пальчик за пальчиком. Десмонд был мастер на глупые выходки, и объектам тех самых выходов они, похоже, даже нравились.

– Ты вгоняешь меня в краску. Хорошо, что на мне толстый слой румян, – улыбнулась маркиза. – Чем ты занимался сегодня утром?

– Читал, мадам. Чрезвычайно интересную книгу по геральдике. Мне было приятно обнаружить, что и мы, Фицджеральды, там упомянуты.

Интересно, поняла ли она? Уже потом, ближе к вечеру, он обнаружил, что книгу переставили на другое место, повыше. Но сейчас маркиза все с той же улыбкой несколько поспешно произнесла:

– А теперь иди и готовься к бою.

Оставшись один, Десмонд помылся, побрился тщательнее обычного, причесался и надел новую одежду. Рубашка была белоснежной, а прекрасно скроенный костюм практически ничего не весил. А ботинки, ботинки... Сшитые из мягчайшей кожи, они сидели на ноге, точно перчатка, и совсем не жали, как обычно бывает, когда надеваешь новую обувь. «Да, лучшее – оно лучшее и есть, – подумал Десмонд. – Хотя ка-

кая жалость, что и стоит оно недешево».

К сожалению, маленькое зеркало не позволило ему рассмотреть себя целиком, и он проворно сбежал вниз по ступенькам, надеясь, что выглядит отлично. Маркиза с отцом Петиттом уже нетерпеливо прохаживались по холлу, ожидая его появления. При виде Десмонда они застыли на месте, впрочем, как и он сам.

– Десмонд, не могу поверить своим глазам! Неужто это ты?! – охнул отец Петитт.

Маркиза, которая не произнесла ни слова, критически оглядела Десмонда со всех сторон.

– Неужели одежда способна так изменить человека? – удивился Десмонд.

– Дорогой отец Десмонд, – улыбнулась маркиза, – вы только представьте себе, как я выглядела бы в залатанной юбке и платке, как у прачки? В любом случае я довольна, очень-очень довольна тобой. Я не сомневалась, что Караччини не подведет. Само совершенство – тут уж ни прибавить, ни убавить! А теперь хочу предложить вам немного перекусить. – И когда все расселись за полупустым обеденным столом, маркиза поинтересовалась: – Надеюсь, вы плотно позавтракали?

– Весьма, – выдавил из себя отец Петитт.

– То был лучший завтрак со времен моего детства на ферме!

– Десмонд, ведь ты ни разу в жизни не был на ферме!

– Конечно нет, мадам, но мне очень хотелось сгустить

краски.

– Ну ладно, хотя в любом случае сейчас на многое не рассчитывай. Тебе нельзя наедаться, так как переедание плохо скажется на голосе.

Им подали бульон с плавающим в нем сырым яйцом, а затем тонкие ломтики ананаса во фруктовом сиропе.

– Это поможет прочистить горло, – заметила маркиза и, озабоченно посмотрев на часы, добавила: – А теперь у нас едва хватит времени выпить кофе. Досадно, но они там у себя в филармонии блюдут официоз и опаздывать нельзя.

Наспех глотнув крепкого черного кофе, буквально через минуту все уже сидели в закрытой машине, которая везла их в сторону расположенного в конце Виа ди Пьетра концертного зала, где перед турникетами скопились толпы народу.

– Мы сейчас пройдем через служебный вход. Не удивляйтесь, там все такое чопорное и старомодное, – отрывисто произнесла маркиза, прокладывая дорогу к узкой боковой двери.

Здесь тоже толпился народ, однако после предъявления пропуска Десмонда маркизу и ее спутников незамедлительно впустили внутрь. Их препроводили сначала в служебное помещение, а затем – в зрительный зал, где Десмонд с отцом Петиттом заняли места в первом ряду, предназначенные для участников конкурса. Мадам маркиза села во втором ряду сразу за ними, там, где кресла были отгорожены от зрительного зала.

Зал уже был заполнен наполовину, а публика все продолжала прибывать. На сцене на бархатной подставке был выставлен приз – Золотой потир, – и по мере того, как конкурсанты – молодые священники самых разных габаритов – нервно занимали свои места, напряжение постепенно росло.

– Какое утомительное ожидание. Наверное, все эти приготовления тебя вконец измотали? – спросил отец Петитт, беспокойно ерзавший на сиденье.

– Да, – отозвался Десмонд. – Я, пожалуй, закрою глаза. Растолкайте меня, когда все начнется.

Минут двадцать Десмонд сидел с закрытыми глазами, демонстративно не обращая внимания на толчею и суету кругом, пока энергичный шлепок по плечу не вернул его к действительности. Открыв глаза, Десмонд обнаружил, что конкурсанты уже выстроились в ряд, судьи заняли места за бархатным шнуром в левой части сцены, в то время как в глубине сцены вокальный квартет в сопровождении струнного оркестра приготовился открыть церемонию исполнением «*Veni Creator Spiritus*». Постепенно все присутствующие – конкурсанты, пианист, зрители и даже судьи – присоединились к исполнению этого прекрасного гимна, – и волны сладкозвучной музыки наполнили зал.

После этого вперед вышел секретарь Итальянского общества любителей музыки и в короткой речи обозначил основную задачу конкурса: всемерно поддерживать и повышать интерес европейских стран к песнопению мессы, сохранять

древнюю традицию самого прекрасного обращения к Господу, ибо традиции этой в настоящее время, увы, угрожает суеверия и спешка нашего времени и, более того, ею готовы пожертвовать ради постоянного сокращения продолжительности церковной службы. Он особо поблагодарил членов Римской курии и, в частности, его преосвященство кардинала Граца за согласие войти в состав жюри, дабы способствовать более справедливому и беспристрастному судейству. Затем секретарь многозначительно обвел глазами переполненный балкон первого яруса и нижеайше попросил тех, кто пробрался сюда тайком, чтобы поддержать своего кандидата, избегать всякого рода манифестаций, так как в любом случае справедливость восторжествует. И наконец он объявил о начале конкурса.

Десять конкурсантов, сидевших с краю, поднялись по ступенькам на сцену и заняли место на длинной скамье, ближе к кулисам. После того как было объявлено первое конкурсное музыкальное произведение, конкурсанты, вызываемые по очереди, выходили вперед и пели.

Десмонд, как и можно было предположить, слушал очень внимательно. У всех были неплохие голоса, больше подходящие для хорового пения и несколько теряющиеся в огромном зале, хотя два конкурсанта помоложе явно нервничали и не сумели показать все, на что способны, а третий вызвал смех в зале жеманной жестикуляцией: он прижимал руку к сердцу – сначала одну, а потом и обе сразу, – демонстрируя

сценические эмоции.

Потом наступила очередь второй десятки. Попавший в нее Десмонд должен был петь последним, и это несколько нервировало его, причем не только потому, что конкурсант, выступавший непосредственно перед ним – послушник из Абруцци, – пел действительно великолепно и заслужил бурную овацию своей группы поддержки на галерке, но и потому, что появление самого Десмонда, поначалу встреченное крайне равнодушно, вызвало затем свист и улюлюканье на той же галерке.

Десмонд, однако, невозмутимо стоял перед обращенным к нему морем лиц там, внизу, совершенно спокойно ожидая, пока публика успокоится. И только когда зрители уgomонились, он подал знак аккомпаниатору, что можно начинать. И зал наполнили чудные звуки музыки Брамса. Теперь даже галерка притихла, а зрители в партере разразились аплодисментами.

Тут же огласили оценки, десять выбывших кандидатов покинули сцену, и процесс отбора продолжился.

Следующим номером обязательной программы была «Аве Мария» Гуно – одно из любимых музыкальных произведений Десмонда. Его появление, встреченное галеркой на удивление сдержанно, вызвало одобрительные хлопки зрителей в партере. Теперь Десмонд больше не чувствовал скованности и пел даже лучше, чем до того. Возвращаясь обратно под продолжительные аплодисменты, он почувствовал на

себе ласковый взгляд кардинала.

И снова зачитали оценки, причем зал, как обычно, реагировал по-разному, – и еще шесть выбывших конкурсантов покинули сцену. Теперь только четверым предстояло исполнить последнее произведение из обязательной программы, но присутствующим было совершенно ясно, что именно Десмонду и послушнику из Абруцци предстояло сойтись в финальной схватке.

Наступил антракт, во время которого струнный оркестр исполнял «Времена года» Вивальди.

Тем временем Десмонда и послушника из Абруцци пригласили подойти к жюри, где им должны были сообщить суммарные оценки. Оказалось, что Десмонд опережает соперника на девять баллов. Затем их попросили назвать выбранное ими музыкальное произведение. Послушник из Абруцци выбрал «O sole mio» – песню, неизменно вызывающую бурю аплодисментов у благодарных итальянских слушателей и гораздо более сдержанную реакцию входящих в жюри профессиональных критиков, которые теперь вопросительно смотрели на Десмонда. Ни у кого не было и тени сомнения в том, что Десмонд, имеющий преимущество в девять баллов, выберет вещь попроще, дабы избежать возможной технической ошибки. Однако, к немалому удивлению членов жюри, он сказал:

– Я выбираю арию Вальтера «Розовым утром алел белый свет» из «Мейстерзингеров».

После неловкого молчания последовал вопрос:

– Вы будете петь на итальянском?

– Нет. – Десмонд позволил себе на секунду задержать взгляд на кардинале. – Я буду петь на немецком языке. Как было в оригинале.

И снова среди судей воцарилось молчание. Наконец президент Итальянского общества любителей музыки произнес:

– Это, конечно, будет для нас большим подарком... но вы, думаю, отдаете себе отчет обо всех трудностях... рисках...

Но в разговор совершенно неожиданно вмешался кардинал:

– Если сей блестящий молодой священник желает исполнить такую великолепную песню, мы не можем ему запретить. Если он не боится, то и я тоже.

Итак, когда под сдержанные аплодисменты отзвучали последние ноты Вивальди, вперед вышел президент Общества любителей музыки и объявил песни, которые выбрали для исполнения конкурсанты. Послушник из Абруцци должен был выступать первым.

И уже через минуту сладкая мелодия «O sole mio» коснулась слуха восторженных итальянских слушателей, хорошо знакомых с песней, широко растиражированной и исполняемой бесчисленным числом посредственных теноров по всей стране. Зрители на галерке прямо-таки обезумели и даже начали подпевать. Увы, худшее было впереди, поскольку маленький послушник из Абруцци, воодушевленный таким

массовым проявлением восторга, в предвкушении триумфа понял правую руку и начал дирижировать воющей толпой. Когда он закончил, на него обрушился шквал аплодисментов. И вот раскрасневшийся, с довольной улыбкой на губах, певец торжествуяще вернулся на свое место.

Теперь настала очередь Десмонда выступать перед беспокойной, взволнованной, возбужденной галеркой. Он прошел вперед и, сделав знак аккомпаниатору, окинул безмятежным взглядом впившихся в него глазами маркизу и отца Петитта. Наконец шум в зале стих. И Десмонд запел.

Как только вступительные такты этой величественной мелодии взмыли ввысь и зазвучала крайне сложная для исполнения песня мейстерзингера, слушатели словно впали в какое-то непонятное, похожее на транс, оцепенение: звуки музыки будто возвышали и облагораживали их. Да и сам Десмонд, казалось, утонул в музыке Вагнера, высокие порывы которой передавались исполнителю. Он уже был не преподобным Десмондом, а Вальтером, жаждущим признания своего исключительного голоса и стремящимся быть причисленным к элите – к бессмертным. И он, ликуя, выложил-ся весь, без остатка, в этой смелой попытке.

Когда он закончил петь и остался стоять – опустошенный, – подняв глаза к небесам и полностью забыв о том, где находится, в зале воцарилась мертвая тишина. Но потом раздался рев, способный, казалось, снести крышу концертного зала – это в едином порыве вскочившие с мест обезумевшие

слушатели стоя приветствовали победителя.

А овация, подобной которой еще не было в истории Итальянского общества любителей музыки, все продолжалась и продолжалась. Она шла по нарастающей, не стихая, до тех пор, пока вперед не вышел улыбающийся президент Общества. Он взял Десмонда за руку и торжественно поднял ее вверх:

– Мой дорогой отец Десмонд, у меня нет слов! Но можете мне поверить, мы здесь, в Риме, непременно познакомимся с вами поближе, причем в самое короткое время, и я лично об этом позабочусь. Мы высоко ценим ваш талант и не дадим вам затеряться в ирландской глуши. – И, успокоив зрительный зал взмахом руки, он продолжил: – Члены Итальянского общества любителей музыки, дамы и господа! Ваш горячий прием еще раз убедил нас в справедливости наших оценок и правильности принятого нами решения о том, что обладателем Золотого потира становится отец Десмонд Фицджеральд. Как почетный президент нашего Общества, я с огромным удовольствием вручаю ему Золотой потир, а также миниатюрную копию этого приза, которую он может сохранить в качестве напоминания о сегодняшнем триумфе.

И под приветственные крики публики он поднял над головой Потир с прикрепленной к нему коробочкой для ювелирных украшений, а затем торжественно вручил приз Десмонду.

Зрители начали потихоньку покидать зал, причем групп-

па поддержки из Абруцци, как и разочарованные сторонники других конкурсантов, ретировалась еще раньше. Маркиза и отец Петитт подошли вплотную к сцене, чтобы привлечь внимание кардинала.

– Ваше преосвященство, позвольте мне представить хозяйку дома, где я остановился, и моего учителя.

– Представить?! Силы небесные! Маргарита, непослушная девчонка, иди скорее сюда! – Кардинал поцеловал маркизе руку. – Смотрю, ты опять взялась за старое: развлекаешь выдающихся ирландцев, причем всегда весьма недурных собой!

– Отец Десмонд недавно потерял свою любимую матушку. И мне пришлось его усыновить.

– Тогда мы непременно должны поскорее вернуть его обратно в Рим. Для вашего же блага.

– А вы, отец мой... – обратился кардинал к отцу Петитту. – Это, наверное, вы обучили вашего воспитанника несколькими полезными трюкам?

– О, ваше преосвященство! – Отец Петитт, еще не успевший выйти из состояния напряжения и пребывавший сейчас в легкой эйфории, сам с трудом понимал, что говорит. – Десмонд и сам горазд на всякие трюки.

– Попросите их упаковать эту чудную вещь в коробку, чтобы она не привлекала к себе лишнего внимания. А то, не дай Бог, украдут, – улыбнулся кардинал. – Маргарита, вы на машине? Прекрасно! Тогда я, с вашего позволения, пожелаю

вам счастливого пути и скажу auf wiedersehen.

Когда кардинал удалился, маркиза положила руку Десмонда себе на грудь:

– Вот видишь, мой дорогой Десмонд, у меня до сих пор сердце бьется как сумасшедшее. Боже, я так взволнована! Я просто опьянела от счастья! Невозможно передать словами, как ты был прекрасен, когда стоял перед всей этой толпой, словно юный бог, и пел, пел, будто ангел. Ну а теперь поехали домой. Отец Петитт уже получил свою коробку с призом, а я получила тебя. Все, нам пора!

Они вышли на улицу через служебный вход. Машина уже ждала их на улице, и они, вымотанные до предела, но счастливые, покатали в сторону Виа делла Кроче.

Отец Петитт, не выпускавший из рук желанный трофей, сидел впереди рядом с шофером. Маркиза, устроившаяся рядом с Десмондом на заднем сиденье, осторожно положила голову юноши себе на плечо.

– Сегодня мы будем отдыхать, и завтра тоже, так как ты, наверное, совершенно измучен, да и я, старая женщина, совсем выбилась из сил, мысленно поддерживая тебя, когда ты пел. Но в понедельник и всю следующую неделю мы будем веселиться на полную катушку: ходить на вечеринки и в оперу здесь, в Риме, а еще совершим короткую вылазку в Ла Скала, у меня там абонемент.

– Но, дорогая мадам, на следующей неделе мне уже надлежит быть в Ирландии!

– Думаю, ирландцы возражать не будут, они люди добродушные. Ты честно заслужил отпуск. И вообще, как мой приемный сын, ты должен во всем меня слушаться. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

– А отец Петитт тоже останется?

– Как бы нам ни хотелось, мы не вправе его удерживать. Теперь, получив вождеденный Потир, на котором выгравированы твое имя и название вашей семинарии, он стрелой полетит домой, чтобы поскорее сообщить отцу Хакетту радостную новость.

Оказавшись наконец в тепле и уюте виллы Пенсероза, Десмонд сразу же прошел к себе в комнату и черкнул пару слов на открытке. Затем он позвал служанку и вручил ей открытку, а также золотую копию Потира, попросив положить все на туалетный столик мадам. Потом он принял расслабляющую горячую ванну и, завернувшись в большое полотенце, лег на кровать. Господи, как приятно было вспоминать о своем ошеломляющем успехе и предстоящих праздниках! Ему казалось, что Килбаррак сейчас находится где-то очень далеко, совсем в другом мире, в мире, где ему предстоит столкнуться с грубостью крестьянской жизни, служить в полуразвалившейся церкви, с ее кустарной росписью, с режущими глаз стигматами на теле Христа, с безликими, фабричного производства, статуями Девы Марии, в чем-то бело-голубом, с застоявшимися запахами свечного сала и ладана – словом, с ароматами, обычно ассоциирующимися с конюшней. Лад-

но, он должен пройти и через это тоже. А сейчас да будут веселье, музыка и море изысканных удовольствий, которые он честно заслужил!

Часть третья

Глава 1

Прибытие Десмонда в Килбаррак не было особо радостным и отнюдь не способствовало поднятию бодрости духа нового викария. С самого утра зарядил мелкий дождик, а путешествие по железной дороге из Дублина в Уэксфорд стало еще одним подтверждением неторопливости, присущей ирландским поездам. На узловую станцию Десмонд прибыл с опозданием на час, а потому ему пришлось битый час дожидаться местного поезда, который должен был доставить его до места назначения. И вот, оказавшись с чемоданом на продуваемой всеми ветрами платформе, Десмонд беспомощно оглядывался в поисках кеба. Только спустя десять минут кеб все-таки появился; он был запряжен клячей, которую даже при самой богатой фантазии трудно представить себе победительницей дерби в Ирландии.

– Эй! Эй! Вы не могли бы меня подвезти?

Из-под накидки из намокших мешков для картофеля слышался чей-то голос:

– Конечно могу. Залезайте сюда, ваше преподобие.

Десмонд втащил чемодан в кеб и сел рядом с кучером.

– Выходит, вы меня ждали?

– Ждал, – сказал кучер и осторожно прошелся кнутом по мокрому крупу лошади. – Каноник велел вас встречать с дневным поездом. Я Майкл.

– Майкл, простите, что заставил вас лишний раз прокатиться.

– Да не беда, ваше преподобие. Всего и делов-то. Я тут работаю на каноника, а еще в церкви прислуживаю. Я проведу вас мимо скотного рынка и прямо по Хай-стрит, поглядите на наш городок.

Килбаррак – город как город, не хуже и не лучше сотни подобных захолустных городишек – не слишком удивил Десмонда. В детстве он видел много таких. Но когда они протрусили мимо замусоренного двора, пабов в темных закоулках, бакалейной лавки, лавки мясника, пекарни, скобяной лавки с разложенными прямо на тротуаре сельскохозяйственными принадлежностями, затем снова мимо пабов, смутно проглядывающих сквозь пелену дождя и тумана, Десмонд вдруг особенно остро почувствовал, какое расстояние отделяет его от Виа Венето и прекрасного особняка маркизы на Виа делла Кроче.

Неужели кучер прочел его мысли?

– Немножко не привычно для вас, ваше преподобие. А мы ничего, того этого. Весь город гудит, как нам свезло заполучить нового молоденького священника не откуда-нибудь, а прямо из Священного города.

– Надеюсь, Майкл, что не разочарую вас. По крайней ме-

ре, постараюсь...

– Да вы что! Я ведь, того этого, только увидел, как вы стоите там, на платформе, под дождем, весь из себя молодой и красивый, так сразу вас и признал. – И когда они свернули с главной улицы, кучер нагнулся к Десмонду и доверительным шепотом произнес: – Вы уж простите меня, ваше преподобие, если я немножко поучу вас уму-разуму. Каноник – хороший человек, великий человек, он здесь для нас прям чудеса творит, но неплохо бы вам поначалу с ним поласковее, поласковее. А потом, когда приноровитесь друг к дружке, он за вас самому дьяволу глотку порвет, если улавливаете, куда я клоню... Ну вот, у нас здесь и церковь для вас есть, и школа при ней – аккуратно через двор, – и дом священника позади.

Церковь, построенная из хорошего серого камня, со сдвоенным шпилем, на удивление большая, потрясла Десмонда размерами и добротностью. Она возвышалась над городом, и весь комплекс, с примыкающими к церкви школой и домом священника из все того же хорошо обработанного камня, располагался в небольшой рощице, переходящей где-то вдалеке уже в настоящий лес.

– Майкл, какая изумительная кладка! Я имею в виду и церковь, и школу.

– Ваша правда, того этого. Чего не сделаешь, чтобы порадовать мадам Донован.

Но они уже подъехали к аккуратному каменному домику с портиком, и кучер бросился вынимать чемодан молодого

священника. Десмонд спрыгнул на землю:

– Майкл, сколько я тебе должен?

– Да что вы, ваше преподобие! Нисколько. Мы тут с каноником между собой уж как-нибудь разберемся.

– Майкл, прими это в знак моей благодарности. Очень тебя прошу.

– Нет, может, если до ста лет доживу, тогда и разрешу вашему преподобию платить мне. – Майкл дотронулся до поля шляпы и подстегнул лошадь.

Десмонд проводил Майкла глазами, чувствуя, как внутри его озябшего и продрогшего тела разливается приятное тепло. Наконец он отвернулся, поднял чемодан и нажал на кнопку звонка.

Дверь ему тут же открыла низенькая, аккуратная, пухленькая маленькая женщина в наглаженном белоснежном рабочем халате. Она приветствовала его улыбкой, продемонстрировав ровный набор зубов, явно не искусственных и достаточно белых для ее возраста, а ей было никак не меньше пятидесяти.

– Ну вот, наконец-то это вы собственной персоной, отец. Входите, входите. Мы ужасно боялись, что вы опоздаете на дневной поезд. Вы, должно быть, вымокли насквозь. Позвольте, я возьму ваш чемодан.

– Нет-нет, благодарю вас.

– Тогда давайте мне ваше пальто, оно все мокрое. – И с этими словами она решительно забрала у Десмонда пальто. –

А теперь я покажу вам вашу комнату. Каноник сейчас на совещании школьного совета, но к шести вернется.

Они вошли в выложенный плиткой просторный холл, где Десмонд обратил внимание на массивную подставку для шляп и зонтов, статую в нише и большой медный гонг. Аккуратно повесив пальто на вешалку, женщина продолжила:

– Я миссис О’Брайен, экономка, и остаюсь ею, слава тебе Господи, вот уж больше двадцати лет.

– Счастлив познакомиться, миссис О’Брайен, – протянул ей свободную руку Десмонд.

Расплывшись в улыбке, отчего ее карие глаза еще больше заблестели, миссис О’Брайен пожала Десмонду руку. Глаза у нее были даже не карими, а практически черными, особенно на фоне гладкой бледной кожи.

– Господи, вы, наверное, совсем продрогли! – Она пригласила Десмонда следовать за ней вверх по навощенной дубовой лестнице. – И уж точно, ужасно проголодались. Наверняка вы и пообедать-то толком не успели.

– Я позавтракал на корабле.

– Надо же, выходит, у вас всю дорогу от Рима до Килбаррака в животе, кроме кофе с булочкой, ничего путного не было. – Она провела его дальше по коридору на втором этаже и распахнула перед ним одну из дверей. – Вот ваша комната, отец. Надеюсь, она вам подойдет. Ванная в конце коридора. Я скоро вернусь.

Комната оказалась маленькой и совсем просто обставлен-

ной. Застеленная безукоризненно чистым бельем белая эмалированная односпальная кровать, с распятием над изголовьем; у одной стены незамысловатый комод, у другой – небольшое бюро из красного дерева; у двери скамеечка для молитвы из того же полированного дерева; на блестящем линолеумном полу квадратный прикроватный коврик – одним словом, комната была ухоженной и сияла чистотой. Именно о такой комнате он и мечтал – конечно, не о монашеской келье, но располагающей к аскетичной жизни, правда, без ущерба для элементарного комфорта. Поставив чемодан на комод, Десмонд стал распаковывать вещи и раскладывать их по ящикам. На бюро он поставил фотографию покойной матери, а рядом небольшую репродукцию в рамке «Благовещения» кисти Фра Бартоломео.

Поняв, что насквозь промочил ноги, Десмонд скинул ботинки и начал стягивать сырые носки, как вдруг раздался стук в дверь. На пороге стояла миссис О’Брайен с подносом в руках.

– Слава Богу, отец! – улыбнулась она. – Хорошо, что вы догадались снять хлюпающие ботинки. Просто оставьте здесь мокрые вещи, а я отнесу их вниз, чтобы хорошенько просушить. – Откинув одной рукой крышку бюро, миссис О’Брайен поставила поднос. – Вот ваш чай, ну и еще кое-что. Это поможет вам дотянуть до ужина, который в семь.

– Спасибо огромное, миссис О’Брайен. Вы чрезвычайно добры.

– У вас достаточно сухих носков?

– Вроде бы есть еще одна пара на смену.

– Еще одна! Так не пойдет, отец! Только не в Килбарраке, с нашими дорогами, не говоря уже о нашей погоде. Похоже, самое время поработать спицами, – заявила миссис О’Брайен и, заметив фотографии на бюро, добавила: – Вижу, вы достали свои сокровища.

– Это моя мама. Она умерла прошлым летом. А эта дева, надеюсь, в представлении не нуждается.

– Боже мой, конечно нет! Как мило с вашей стороны, отец Десмонд, поставить сюда ее изображение. Что может больше соответствовать вашему сану, отец Десмонд, чем поездка в подобном обществе? А теперь пейте-ка поскорее чай, пока он совсем не остыл!

И, тепло улыбнувшись Десмонду, миссис О’Брайен подхватила его мокрые вещи и осторожно прикрыла за собой дверь.

Чай действительно оказался горячим, крепким и очень бодрящим. Не менее восхитительными были горячие, намазанные маслом ячменные сконы и большой кусок бисквита «мадера» прямо из печи.

Предубеждение Десмонда против Килбаррака, которое в свое время возникло исключительно из-за дурных предчувствий, начало постепенно исчезать после радушного приема, а теперь благодаря воздушному бисквиту практически растаяло без следа.

Еще тогда, когда Десмонд подъезжал к церкви в сопровождении неподражаемого Майкла, он заметил застекленную галерею, идущую через двор к дому. И сейчас Десмонду захотелось пройти по галерее в церковь.

В свой последний день в Риме Десмонд решил совершить сентиментальное паломничество в собор Святого Петра. Когда молодой священник вошел в приходскую церковь грязного захолустного ирландского городка, в его памяти еще были свежи воспоминания о величественном римском соборе. Он рассчитывал увидеть – и даже морально подготовил себя к ожидающему его потрясению – стандартную часовню с аляповатым алтарем и стенами, размалеванными ужасами крестного пути Христа.

И Десмонд действительно испытал потрясение, причем настолько сильное, что ему даже пришлось сесть. Он не верил своим глазам. Церковь была поистине прекрасна: подлинная готика, кладка и резьба по камню – настоящее произведение искусства. Величественный неф с проходами с обеих сторон. Готические колонны, поддерживающие ажурные воздушные арки, подчеркивали высокие сводчатые потолки. Изображения крестного пути Христа также были вырезаны из камня, причем, достаточно простые композиционно, они отличались изяществом и тонкостью исполнения. Невозможно было отвести глаз от освещенной алтарной части щедро позолоченного алтаря с прекрасной резной запрестольной перегородкой.

Десмонд упал на колени и возблагодарил Небеса за такой неожиданный подарок, за эту величественную церковь, где он, несомненно, сможет укрепиться в своем священном призвании и еще сильнее возлюбить Господа нашего Иисуса Христа. Он все еще был погружен в молитву, как вдруг послышались звуки органа и мальчишеские голоса, исполняющие хором гимн «Назови Его царем царей».

Десмонд тут же вскочил на ноги и поспешил подняться по винтовой лестнице, ведущей на хоры. Там группа мальчиков разучивала гимн под управлением какого-то молодого человека, но при неожиданном появлении Десмонда все сразу же замолчали.

– О, пожалуйста, продолжайте, продолжайте. Простите, что помешал вам. – С этими словами Десмонд подошел к молодому человеку и протянул ему руку. – Я отец Десмонд Фицджеральд.

– А я Джон Лавин, школьный учитель, отец. Мы здесь обычно репетируем.

– Ради Бога, простите меня, – произнес Десмонд. – У меня просто нет слов. Я не ожидал услышать столь прекрасное пение... и этот необычный, чудесный гимн в таком захолустье, как Уэксфорд.

– И все благодаря мадам Донован, отец. Она любит красивые мальчишеские голоса и, само собой, организовала здесь хор мальчиков.

– Вы замечательно их подготовили. Вам удалось добиться

удивительной слаженности.

– Благодарю вас, отец, – улыбнулся молодой человек и, помедлив, добавил: – Если во время посещения прихожан у вас вдруг выдастся свободная минутка, может, заглянете к нам с женой, посмотрите на нашего первенца. – Он застенчиво улыбнулся. – Мы им так гордимся.

– Всенепременнейше. – Десмонд даже позволил себе произнести ирландскую идиому, пожал руку учителю, улыбнулся мальчишкам и, все еще под впечатлением от увиденного и услышанного, вышел из церкви.

Когда он вернулся в дом священника, в холле его встретила миссис О’Брайен.

– Каноник уже пришел, отец Десмонд. Вы сможете встретиться за ужином. Я накрываю на стол. Сделайте одолжение, пройдите в столовую, я там камин разожгла специально для вас.

Десмонд вымыл руки и прошел в просторную столовую, где огонь от горящих брикетов торфа освещал красивую старую мебель красного дерева: стол, стулья и буфет. Из окон с двойными рамами открывался потрясающий вид на море вдаль, поля и леса, а также на виднеющуюся сквозь деревья крышу большого особняка.

– Вам нравится вид, отец Десмонд?

Вопрос задал каноник Дейли. Это был крепко сбитый, коренастый человек с мощными руками и плечами разносчика угля, но без намека на шею, и с утопающей в плечах круг-

лой, как ядро, словно присыпанной пеплом головой, которую украшала красная четырехугольная шапочка с помпоном. Выражение его кирпично-красного лица с глубоко посаженными честными голубыми глазами было открытым и простодушным, хотя каноник и пытался придать ему некоторую значительность.

– Мне очень нравится вид, каноник. Но еще больше мне понравилась ваша величественная и такая изысканная церковь. Она меня просто потрясла.

– Да, здесь уж ни прибавить, ни убавить. Я очень рад, что вы решили начать с посещения церкви.

В это время миссис О’Брайен принесла ужин: внушительный кусок говядины и отдельно картофель и зеленые овощи.

– Присаживайтесь, – предложил Десмонду каноник.

Каноник занял свое место во главе стола, взял разделочный нож для мяса и принялся так энергично им работать, что вскоре перед Десмондом уже стояла полная тарелка тонко нарезанной говядины, рассычатого картофеля и капусты нового урожая.

– Пища у нас здесь простая, но сытная.

– Да что вы, еда просто восхитительная, – ответил Десмонд с набитым ртом.

За время путешествия он успел здорово проголодаться и теперь набросился на то, что лежало перед ним на тарелке, с не меньшим энтузиазмом, чем сам каноник, который украдкой бросал на Десмонда довольные взгляды.

– А я-то боялся, что вы окажетесь одним из этих избалованных приверед, которым все не этак и все не так. По правде говоря, я ожидал увидеть изнеженного римского хлыща. А вы совсем другой.

– Каноник, я вовсе не итальянец, а простой ирландец, долгое время живший в Шотландии.

– Да что вы говорите! Вот так-так, ведь и я тоже. Восемнадцать лет я жил с родителями в Уинтоне, прежде чем они вернулись на родину. Но вы, видно, и сами догадались по моей манере говорить.

– Каноник, благодаря вашему акценту я себя чувствую здесь как дома, и он прекрасно сочетается с вашей недюжинной силой.

Когда они отдали должное основному блюду, миссис О’Брайен убрала со стола, принесла большую тарелку с яблочным пирогом и незаметно удалилась.

– Приятель, похоже, ты успел найти подход к нашей миссис О’Би. Когда я вернулся, она была прямо сама не своя и все нахваливала тебя. – Каноник отрезал Десмонду толстенный кусок сочного пирога, при этом не обидев и себя. – А я ее мнению весьма доверяю. Она уже без малого как двадцать лет при мне состоит и ни разу меня не подвела.

– Но ваша церковь, каноник... Ваша великолепная церковь. Как, во имя всего святого, вам удалось ее получить? Я ведь прекрасно знаю ирландцев и Ирландию. Таковую церковь не построишь на те жалкие гроши, что может дать Килбар-

рак.

– Твоя правда, приятель. Ее и за десять лет не построить, даже если собрать все гроши из всех кружек для пожертвований по всей стране. – Справившись с десертом, каноник пошел к буфету, достал стоявшую там на самом виду бутылку и налил себе ровно на два пальца янтарной жидкости. – Я всем обязан вот этому и самой чудесной, праведной, милой и щедрой женщине во всей Ирландии.

Десмонд, сгорая от любопытства, следил за каноником, который внимательно изучал содержимое стакана.

– Я не разрешаю держать дома спиртное, приятель. Но я старый человек, а это меняет дело. Я позволяю себе выпить только раз в день, причем всегда на два пальца и ни капель больше, «Маунтин Дью».

Вконец заинтригованный, Десмонд не осмелился донимать каноника расспросами, а тот сделал глоток «Маунтин Дью», с шумом втянул в себя янтарную жидкость и, аккуратно поставив стакан, произнес:

– Самый замечательный, самый чистый, самый отборный и чертовски дорогой солодовый виски в мире. Произведен с добавлением лучшей торфяной воды, разлит по бутылкам на лучшем перегонном заводе Донегала, выдерживается не меньше шести лет и, наконец, продается через дублинскую контору по всему миру тем, кто ценит все самое лучшее. И принадлежит это хозяйство целиком и полностью милейшей даме, которая лично спланировала и на свои деньги постро-

ила и украсила нашу замечательную церковь.

Произнеся эту пламенную речь, каноник сделал еще один глоток и ласково посмотрел на Десмонда, который тихо произнес:

– Как замечательно с ее стороны! Она, должно быть, на редкость щедрая старая дама.

При этих словах каноник зашелся в приступе гомерического хохота, к его веселью присоединилась и миссис О'Брайен, которая как раз вошла в столовую, чтобы убрать со стола остатки десерта.

– Ага, очень даже щедрая, – согласился каноник, когда тишина в комнате была восстановлена. – Мне даже страшно сказать, во что все это обошлось. Вот только одно, к сожалению, осталось сделать. И то по чистому недосмотру. Ты заметил перила алтарной преграды?

– Конечно заметил, каноник. Очень старые, деревянные. Довольно неуместные.

– Ты все правильно подметил. Но ничего, приятель, в самое ближайшее время я их заменю на те, что будут достойны такой церкви. Сейчас перила – самая главная моя задача. И я при каждом удобном случае намекаю на это мадам Донован.

– Мадам Донован! – эхом откликнулся Десмонд.

– Тебе что, знакомо ее имя?

– В жизни его не слышал, пока не приехал сюда.

– Ну а теперь ты его часто будешь слышать. Это ведь на ее особняк ты сейчас смотришь из окна. Кстати, у нее имеется

еще и прекрасный дом в Швейцарии.

– Но почему в Швейцарии?

– Налоги, – со значением произнес каноник, понизив голос и для пушего эффекта прикрыв левый глаз, видневшийся над стаканом, а потом, после того как Десмонд переварил услышанное, добавил: – Мадам не только чудесная, разносторонняя, талантливая леди, но еще и самая настоящая деловая женщина с крепкой хваткой, каких разве что в лондонском Сити и встретишь. Если бы ты знал ее историю, то понял бы, что я говорю чистую правду. – Каноник замолчал и в полной тишине с удовольствием прикончил стакан «Маунтин Дью», а затем уже другим тоном продолжил: – А теперь вот что, приятель. Когда я тебя ждал, то знал, что меня ждет тяжелый случай. И собирался обойтись с тобой соответственно. Однако, как я вижу, проблема лишь в том, что ты там, у себя в Риме, слишком уж увлекся светской жизнью. Ходил на всякие там вечеринки в обществе богатых, – тут каноник бросил взгляд на миссис О’Брайен, – старых дам. По правде говоря, ты у нас немного повеса. А потому мой приказ будет таков: без моего разрешения никаких приглашений не принимать, и если ты внимательно посмотришь на мое старое уродливое лицо, то сразу поймешь, что я человек, которого надо слушаться беспрекословно.

– Да, каноник.

– Ты все понял.

– Каноник, учитель, которого я встретил в церкви, при-

гласил меня посмотреть на своего первенца.

– Младенцы – совсем другое дело. Можешь заглянуть к ним, но особенно не расслаживайся. Скажи что-нибудь приятное и сразу уходи.

– Да, каноник.

– Хорошо! Мы здесь привыкли рано ложиться, да и ты, наверное, притомился после путешествия. Так что можешь идти спать. Я буду читать десятичасовую мессу, а ты можешь взять на себя восьмичасовую. Майкл всегда в ризнице. Он там тебе все покажет. Миссис О’Брайен утром тебя разбудит. Ну а теперь спокойной ночи, приятель. И если тебе будет приятно это услышать, то могу сказать, что ты произвел на меня хорошее впечатление. Я доволен.

Когда Десмонд вернулся в свою комнату, то обнаружил, что все его вещи, высушенные и наглаженные, аккуратно сложены, кровать расстелена, а между белоснежными простынями положена бутылка с горячей водой. Десмонд опустился на колени, чтобы прочесть свою обычную молитву, затем, бросив взгляд на знакомые фотографии на бюро, забрался в постель и с чувством глубокого удовлетворения закрыл глаза.

Итак, его первый день в Килбарраке на удивление оказался более чем удачным.

Глава 2

В половине восьмого Десмонд, который после крепкого сна чувствовал себя вполне отдохнувшим, уже был в церкви, где Майкл в ризнице успел приготовить ему облачение на сегодня.

– Обычно на ранней мессе народу у нас немного, ваше преподобие. Но сегодня утром целая толпа.

– Как думаешь, Майкл, это из набожности или из чистого любопытства?

– Думаю, малость того и другого, ваше преподобие.

Теперь и сам Десмонд чувствовал, что ему не терпится посмотреть на благодетельницу, подарившую столь прекрасную церковь.

– Кстати, а мадам Донован часто ходит к восьмичасовой мессе?

– На самом деле да, сэр. Каждый Божий день. А по воскресеньям бывает и на десятичасовой. Вон там ее постоянное место на передней скамье, с самого краю.

– Надо же!

– Но сегодня утром ее здесь не будет. Уехала в Дублин по делам. Говорят, в субботу вернется.

Десмонд всегда знал, когда месса удалась, а когда проходила более вяло вследствие волнения и рассеянности. А потому он вышел из-за алтаря, прочел благодарственную мо-

литву и весьма довольный собой вернулся домой.

Отлично позавтракав, он решил осмотреть Килбаррак. И пока он шел в сторону Кросс-сквер, горожане, к его превеликому удовольствию, приветливо здоровались и раскланивались с ним. Хотя далеко не все были столь любезны. Так, толпа парней, околачивающихся без дела на углу Фронт-стрит, рядом с пивной «У Малвани», молча расступилась, чтобы дать Десмонду пройти, а вслед ему полетели смешки и грубые выкрики. Однако Десмонда такое вызывающее поведение нимало не смутило, так как каноник предупреждал его, что это место самое нехорошее в городе.

Вспомнив о приглашении школьного учителя, он узнал, как пройти на Карран-стрит, где, чувствуя на себе любопытные взгляды соседей, постучался в дверь дома номер двадцать девять. Он специально решил зайти пораньше, чтобы не пришлось принять приглашение остаться на чай и тем самым нарушить предписание, данное ему каноником.

Однако, поскольку на его стук никто не отозвался и только где-то в глубине дома послышался плач младенца, он толкнул дверь посильнее и вошел внутрь. А там, в углу чистенькой гостиной в своей кроватке надрывался от плача прелестный младенец. Ситуация крайне неловкая, но только не для Десмонда.

Он тут же подошел к детской кроватке, взял на руки младенца, дав ему срыгнуть, а потом прижал ребенка к груди и вот так, с ребенком на руках, стал прохаживаться по комна-

те, напевая ему «Весеннюю песню» Шуберта, что, по его разумению, было ближе всего к колыбельной. Музыка оказала на малыша магическое воздействие. Он свернулся калачиком у Десмонда на груди и тут же сладко засопел.

Воодушевленный таким неожиданным успехом, Десмонд не рискнул положить ребенка обратно в кроватку, а потому продолжил петь, расхаживая взад-вперед по комнате. Тем временем входная дверь распахнулась, и в мгновение ока перед домом собралась небольшая толпа из соседских женщин, в основном в утреннем неглиже, которые слетелись на звуки музыки, точно пчелы на мед, причем некоторые даже протиснулись в дом.

– Ой, Боже ты мой! Дженни, ты только глянь на его предобие!

– В жизни такого не видала! Это наш новый молоденький священник, прямо из Рима. Ну разве он не душка?

– Ради Бога, может, он и молоденький, но уж точно знает, как с детьми обращаться!

– Господи, ну до чего ж умилительное зрелище! А голос-то, голос-то какой!

Затем одна из женщин, набравшись смелости, сказала Десмонду:

– Простите, отец, но миссис Лавин выскочила на минутку в булочную за углом.

Комната стала постепенно наполняться народом, что вызвало у Десмонда некоторое беспокойство, причем не за се-

бя, а за младенца. И тогда он решил, что будет лучше встретить мать ребенка прямо на улице.

– Эй, расступитесь! Дорогу его преподобию с ребенком!

На свежем воздухе Десмонду сразу полегчало. Но он явно недооценил свою аудиторию. Пока он спокойно шел себе, тихонько напевая, чтобы младенец не проснулся, зрителей постепенно становилось все больше, так как к ним постепенно прибавлялись жители соседних домов, которые на радостях выскочили на улицу, и очень скоро Десмонда провожала уже целая армия зевак.

Но худшее было впереди. Все началось с того, что Дженни Магонигл крикнула мальчишке-подручному:

– Томми, дорогой, давай ноги в руки и дуй в редакцию «Шемрока»! Пусть Мик Райли подскочит сюда со своим фотоаппаратом.

Мик, почуявший запах сенсации, естественно, не заставил себя ждать, и не успел Десмонд дойти до булочной, как его кто-то окликнул, и, обернувшись, он услышал щелчок фотоаппарата.

– Благодарю, ваше преподобие. Фото появится в субботнем номере «Шемрока».

И в этот самый момент из булочной с двумя буханками хлеба в руках вышла миссис Лавин, заболтавшаяся с женой хозяина.

– О Господи! Что все это значит?!

Она со всех ног кинулась к Десмонду, но тот поспешил

успокоить ее, объяснив, в чем, собственно, дело.

– Может быть, теперь вы возьмете у меня ребенка?

– Ой, а куда же мне хлеб-то деть! Он так мирно спит у вас на руках. Ну пожалуйста, пожалуйста, помогите мне донести его обратно до дома!

Надо было только видеть эту процессию. Зрелище не только завораживающее, но и приятное глазу! Молодой священник с младенцем, молодая жена с буханками хлеба в руках в сопровождении целой толпы возбужденных поклонников. Они еще не успели дойти до дома номер двадцать девять по Карран-стрит, а Мик Райли уже отщелкал целую пленку.

– Прошу вас, отец, войдите в дом. Ну пожалуйста, – положив хлеб на стол в коридоре, дрожащим голосом произнесла миссис Лавин.

– В другой раз, – поспешно ответил Десмонд. – Мне уже давно пора возвращаться. Но, до того как уйти, мне хотелось бы, с вашего позволения, сказать, что у вас лучший малыш из всех, кого мне довелось держать на руках.

Крепко спящий ангелочек был благополучно передан на руки счастливой матери, а Десмонд быстрым шагом отправился назад, на другой конец города. Но прежде ему пришлось выслушать троекратное спасибо, которое все еще звучало у него в ушах, когда он вихрем ворвался в дом священника, в глубине души надеясь, что следующие дни его пребывания в Килбарраке окажутся менее запоминающимися, чем первый.

Вечером за ужином каноник как бы между прочим заметил:

– Десмонд, в субботу из Дублина прибывает старая мадам Донован. Так что ты непременно встретишься с ней в воскресенье.

– Она что, позвонила вам по телефону, каноник?

– Нет, конечно. Тебе, возможно, было бы небезынтересно узнать, как у нас, в Килбарраке, распространяются новости. Утром мадам позвонила Патрику, своему дворецкому. Патрик, естественно, сообщил своей жене Бриджит. Бриджит сказала девчонке, что прислуживает на кухне, которая, в свою очередь, рассказала об этом молочнику, молочник сообщил новость миссис О’Брайен, а уже миссис О’Брайен сказала мне.

– Надо же! Вы здесь узнаете о событии раньше, чем оно произошло, – улыбнулся Десмонд.

– Да, приятель. – Каноник наклонился к Десмонду и ободряюще похлопал его по руке. – Вот почему я знаю, что в субботу утром увижу твои фотографии на первой полосе. Но не надо себя корить. Я понимаю, что намерения у тебя были самые благие, и это сослужит тебе хорошую службу в твоём приходе.

Глава 3

Воскресенье выдалось теплым и солнечным, что предве-

щало погожее лето. Десмонд, успевший привыкнуть к ласковому солнцу Испании, особенно любил это время года. Каноник сообщил Десмонду, что поручает ему как vikарию читать десятичасовую мессу, а он возьмет на себя восьмичасовую вместо обычной десятичасовой. Такое перераспределение обязанностей несколько озадачило Десмонда. Но в чем здесь дело, уже за завтраком объяснил сам каноник.

– Я хочу представить тебя старой женщине в самом выгодном свете. Для меня крайне важно, чтобы ты ей понравился. – Каноник покосился на вошедшую в столовую с полным подносом свежих тостов миссис О’Брайен и, помолчав, добавил: – А почему это так важно, ты, если Богу будет угодно, и сам в свое время узнаешь.

Подобные подготовительные мероприятия не слишком понравились Десмонду. Он вовсе не собирался быть марионеткой в руках каноника и помогать тому в осуществлении каких-то непонятных замыслов, а потому решил игнорировать почетное место, и не важно – занятое или пустое, на передней скамье.

Когда отзвенели десятичасовые колокола, Десмонд, уже успевший надеть облачение и получить одобрителный кивок Майкла, в сопровождении четырех алтарных мальчиков, одетых в монашеские рясы, прошел к алтарю, намеренно опустив глаза. И хотя за всю мессу он так и не поднял глаз, к своему немалому раздражению, в течение всей службы он чувствовал на себе чей-то пристальный, пронизываю-

щий, изучающий взгляд.

После чтения отрывка из Евангелия на кафедру взошел каноник, чтобы прочесть проповедь, а Десмонд занял место между алтарными мальчиками справа от алтаря. И только тогда он позволил себе бросить взгляд в сторону отгороженного места на передней скамье. И тут он вздрогнул от удивления, причем вздрогнул так явно, что алтарные мальчики уставились на него в полном недоумении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.